

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

ГРЭМ МАСТЕРТОН

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Annotation

Дэвид Уильямс приезжает на остров Уайт отремонтировать старый викторианский особняк Фортифут-хаус, надеясь оправиться после неприятного развода с женой. Но в первую же ночь он слышит какие-то громкие шорохи на чердаке, днем видит призраки давно умерших людей у заброшенной часовни поблизости, а потом выясняет, что у местных жителей Фортифут-хаус пользуется дурной славой: вот уже целый век он связан с исчезновением детей по всей округе и с легендой о страшном чудовище по имени Бурый Дженкин. Только это не обычная история с привидениями. Зло, поселившееся в Фортифут-хаусе, куда страшнее и могущественнее любого призрака, и жизнь Дэвида скоро превращается в невыразимый кошмар, в котором гибнут люди, а прошлое, настоящее и будущее сплетаются в единую неразрывную нить.

Грэм Мастертон

Жертвоприношение

Graham Masterton
PREY

This edition is published by arrangement with Peters, Fraser and Dunlop Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Graham Masterton, 1992
© Андрей Локтионов, перевод, 2016
© Станислав Галай, иллюстрация 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Один из самых оригинальных и пугающих писателей нашего времени.

Питер Джейнс

Яркий стиль Мастертона и совершенно невероятный, непредсказуемый сюжет позволяют получить от романа настоящее удовольствие, пусть и несколько необычного толка.

Publishers Weekly

Что искупает все возможные недостатки романа, так это полное безумие и чудовищность мира, созданного Мастертоном в этой книге. Как писать ужасы, Мастертон знает прекрасно.

Indigo XIX

Маленький мальчик слив захотел. Когда ел, поперхнулся и в рай улетел.

Мальчик постарше за птичкой полез. С ветки сорвался – печальный конец.

Девочка краски цветные нашла. Сунула в ротик и умерла.

Слышите крики у нас под окном? Это за детками Дженкин пришел.

Викторианские предостерегающие стихи для детей, 1887 год.

Косматая тварь, размером не более крупной крысы, была

известна в городе под кличкой Бурый Дженин и являлась, видимо, порождением небывалого случая массовой галлюцинации; так, в 1692 году не менее одиннадцати человек под присягой утверждали, что видели ее собственными глазами. Сохранились и более поздние, совершенно независимые свидетельства; поражала невероятная, способная привести в замешательство степень их сходства. Очевидцы рассказывали, что зверек покрыт длинной шерстью, по форме сходен с крысой, имеет необыкновенно острые зубы; мордочка его, снизу и по бокам также поросшая шерстью, удивительно напоминает болезненно сморщенное человеческое лицо, а крошечные лапки выглядят как миниатюрная копия человеческих кистей. Голос отвратительного существа, по словам слышавших его, представляет собой невообразимо отвратительный писк, но при всем том оно свободно изъясняется на всех известных языках. Ни одно из невероятных чудовищ, являвшихся Джилмену в беспокойных снах, не наполняло его душу таким смрадом и омерзением, как этот ужасный крошечный гибрид; ни один из ночных образов, переселившихся в воспаленный мозг юноши со страниц древних хроник и из рассказов его современников, не вызывал у него тысячной доли того страха и отвращения, какие внушала маленькая тварь, без устали сновавшая в его видениях.

Г. Ф. Лавкрафт. Сны в ведьмином доме^[1]

1. Фортифут-хаус

Перед самым рассветом меня разбудил какой-то осторожный шорох. Я замер и прислушался. Вших. Потом снова *вших-вших-вших*. И тишина.

В незнакомом окне легкий морской ветерок шевелил тонкие, с цветочным рисунком занавески, а бахрома висящего на потолке абажура извивалась, напоминая какую-то странную многоножку. Я продолжал прислушиваться, но мой слух улавливал лишь утомленный шум волн да перешептывание дубов за окном.

Снова шорох. Такой слабый и суетливый, что это могло быть что угодно. Белка на чердаке или ласточка на карнизе.

Я перевернулся на бок, завернувшись в скользкое атласное одеяло. В чужих домах я всегда плохо спал. На самом деле, после того как Джени оставила меня, я нигде не мог нормально спать. Был вымотан вчерашней поездкой из Брайтона и переправой из Портсмута. Да еще целый день распаковывал вещи и наводил порядок.

Дэнни тоже просыпался дважды за ночь. Первый раз, когда захотел пить, а второй – от испуга. Он сказал, что заметил, как что-то проходило через его спальню. Что-то сторбленное и темное. Но оказалось, это всего лишь халат, накинутый на спинку стула.

Глаза у меня слипались. Если бы я только мог уснуть! В смысле уснуть по-настоящему. И проспять всю ночь, целый день и еще одну ночь. Я задремал, и мне приснилось, будто я снова в Брайтоне, гуляю по угловатым пригородным улочкам Престон-парка, между эдвардианскими террасами из красного кирпича, под серым, как на черно-белых снимках, небом. Во сне я увидел, как кто-то метнулся прочь от лестницы, ведущей в мою подвальную квартиру. Кто-то высокий и длинноногий. В какой-то момент он повернул ко мне свое заостренное бледное лицо, посмотрел на меня и поспешил прочь.

«Высокий красноногий портной, – услышал я чей-то шепот. – Он существует на самом деле!»

Я бросился было за ним вдогонку, но он каким-то образом оказался вдруг в парке, за высокой чугунной оградой. Синевато-зеленая трава. Павлины, кричащие словно обиженные дети. Я мог лишь бежать параллельно ему вдоль забора и надеяться, что не упущу его из виду, когда доберусь до ворот.

Мое дыхание напоминало раскаты грома. Ноги по-клоунски шлепали по дорожке. Я видел проплывающие мимо круглые лица – словно белые воздушные шары с человеческими улыбками. А еще слышал царапающий шорох, как будто за мной по пятам бежала собака, клацающая когтями по асфальту. Я обернулся и, внезапно проснувшись, услышал какой-то суетливый шум, который могло издавать нечто куда более крупное, чем белка или птица.

Высвободившись из одеяла, я сел в кровати. Ночь была жаркая, и простыни смялись и промокли от пота. Я снова услышал слабое, нерешительное царапанье, которое вскоре стихло.

Я поднял с прикроватной тумбочки часы. Они были без подсветки, но в комнате было достаточно светло, чтобы узнать время: пять минут шестого. Господи.

Я слез с кровати, подошел к окну и отдернул занавески, висевшие на дешевых, покрытых пластмассой проводах.

Небо было белым, как молоко, колышущееся море за деревьями тоже было молочно-белого цвета. Слуховое окно моей спальни выходило на юг. Сквозь него я видел большую

часть обманчиво покатога сада, ветхую, увитую розами беседку, лужайку с солнечными часами, ступени, ведущие к пруду и петляющие между деревьев до самых задних ворот.

Дэнни уже обнаружил, что там, за рядом маленьких уютных домиков с ящиками герани на каждом подоконнике, есть крутой короткий спуск к набережной. Скалы, пенистый прибой, груды гниющих бурых водорослей, и прохладный солоноватый ветер, дующий прямо из Франции. Прошлым вечером я ходил с Дэнни на пляж, мы смотрели на закат, говорили с местным рыбаком, ловившим камбалу и палтус.

Слева от сада, на той стороне узкого заросшего ручья, возвышалась полуразрушенная и потемневшая ото мха каменная стена. Дальше, почти полностью скрытые ею, виднелись шесть или семь десятков надгробий – кресты, шпили и плачущие ангелы, а также маленькая готическая часовня с пустыми окнами и давно обвалившейся крышей.

Как утверждали мистер и миссис Таррант, часовня некогда служила и обитателям Фортифут-хауса, и жителям деревни Бончерч, но теперь селяне ездили на службы в Вентнор, если вообще куда-то ездили. Фортифут-хаус пустовал с тех пор, как Тарранты продали свой бизнес по производству ковровой плитки и переехали на Майорку.

Не скажу, что кладбище меня пугало. Скорее вызывало бесконечную грусть своей запущенностью. За часовней возвышался темный, похожий на перистое облако, силуэт древнего кедра, едва ли не самого крупного из тех, что я видел. Было в нем что-то такое, что придавало ландшафту ощущение усталости и сожаления о том, что прошлое не вернуть. Но еще, как мне казалось, ощущение непрерывности.

В этот утренний час сад казался бесцветным, как и все вокруг. Фортифут-хаус выглядел так же, как и на фотографии, висевшей в коридоре и датированной 1888 годом. На снимке в саду стоял человек в черном цилиндре и черном фраке. И мне казалось, что он вот-вот появится во дворе, такой же бесцветный, строгий, усатый. И посмотрит на меня.

Я решил приготовить себе кофе.

Пытаться снова заснуть было бессмысленно. Птицы начинали свою свистопляску, тьма растворялась в небе так быстро, что я уже видел обвисшие теннисные сетки по другую сторону розового сада, теплицу, покрытую пятнами лишайника и заросшие земляничные грядки, граничившие с Фортифут-хаусом с западной стороны.

– Надеюсь, мистер Уильямс, вам нравится наводить порядок посреди полного хаоса, – сказала мне при встрече миссис Таррант, осматривая все вокруг через маленькие темные очки.

У меня сложилось твердое впечатление, что ей не очень нравится Фортифут-хаус, хотя она постоянно повторяла, как сильно скучает по своему старому дому.

Я осторожно открыл дверь спальни, чтобы не разбудить Дэнни, спавшего в соседней комнате, и тихонько двинулся по узкому коридору. Куда бы я ни бросил взгляд, я везде видел, сколько работы мне предстоит. Бледно-зеленые обои покрылись пятнами сырости. Краска на потолке отслоилась. Подоконники сгнили. Батареи протекали, а краны на них обросли известняком. Весь дом был пропитан запустением.

Я дошел до узкой лестницы, круто уходящей вниз. И только собрался спуститься, как снова услышал шорох – на этот раз более суетливый, чем прежде. Я замешкался. Звук, похоже, шел с чердака. Не с карниза, как я ожидал, думая, что это птица, свившая гнездо, – а с чердака. Казалось, источник звука пересекал его по диагонали.

«Белки», – подумал я. Я терпеть не мог белок. Они те еще вредители, к тому же едят своих детенышей. Наверное, захватили весь чердак и превратили его в огромный зловонный

беличий заповедник.

Сбоку от площадки была маленькая дверь, заклеенная такими же бледно-зелеными обоями, как и стены, что делало ее едва заметной. Миссис Таррант сказала мне, что это единственный выход на чердак, и поэтому они хранят там так мало мебели.

Я поднял дешевую ржавую щеколду и заглянул внутрь. На чердаке царила крошечная тьма, в спертом воздухе стоял запах сухой гнили. Я прислушался и услышал лишь слабый стук капель из протекающего шарового клапана в цистерне да свист ветра в черепице. Царапанье снова прекратилось.

Возле двери я нащупал старый пластмассовый выключатель. Пощелкал им пару раз, но лампочка, похоже, перегорела, либо в выключателе окислился контакт. А может, белки перегрызли проводку. Сквозь окно на площадке проникало достаточно солнечного света. Поэтому, найдя большое зеркало, я прислонил его к перилам лестницы и осветил отраженным светом первые несколько ступеней, ведущих на чердак. Я подумал, что будет неплохо произвести небольшой осмотр. По крайней мере я получу представление, с чем имею дело. Я терпеть не мог белок, но пусть лучше будут белки, чем крысы.

Я сделал из ковра, лежавшего в коридоре, подпорку для двери, чтобы та не закрылась за мной, а затем осторожно поднялся на первые три ступеньки. Они были очень крутые, обшитые толстым коричневым фетром, не встречавшимся мне уже лет двадцать. Я чувствовал, как воздух овеивает меня непрерывным потоком, однако в нем не было ничего общего со свежим ветерком. Вокруг витал тяжелый запах, похожий на чье-то смрадное дыхание. Словно это *дышал* сам чердак.

На четвертой ступеньке я задержался и снова прислушался, давая глазам привыкнуть к темноте. К моему удивлению, свет сквозь черепицу не проникал, значит, крыша в довольно хорошем состоянии. Тусклый серебристый свет, отраженный зеркалом и освещавший лестницу, мало помогал, но я смог различить на чердаке какие-то силуэты. Что-то вроде кресла. Что-то похожее на маленький квадратный комод. Чуть дальше, в углу между крышей и полом чердака, что-то вроде груды старой одежды. А может, еще какая-нибудь мебель странной формы, накрытая чехлом от пыли.

Я отчетливо чувствовал смрад сухой гнили. Но был еще и другой запах. Тонкий, сладковатый, как пахнет бытовой газ или разлагающаяся птичка, застрявшая в дымоходе. Я не мог определить, откуда он, но мне он определенно не понравился. Я решил позднее подняться сюда с фонариком и выяснить, в чем дело.

Только я собрался спуститься назад по лестнице, как снова услышал шорох. Он шел из самого дальнего и темного угла. Здесь наверху он был отчетливее и громче – явно не тихое шуршание белки или птицы. Звук больше напоминал возню кота, или очень крупной крысы, или даже собаки. Хотя я и не мог представить, как собака могла попасть на чердак.

Я громко шикнул, стараясь вспугнуть существо.

Шорох внезапно смолк. Но было непохоже, что существо испугалось и поспешно улизнуло. Скорее, оно замерло и выжидало, что я буду делать дальше. Я прислушался внимательнее, и на мгновение мне показалось, что я уловил звук хриплого дыхания. Хотя, наверное, это был всего лишь ветер.

Я снова шикнул, на этот раз еще решительнее.

Ответа не последовало. Я не боялся темноты и не особенно боялся животных, даже крыс. Один из моих друзей в Лондоне работал крысоловом при Ислингтонском совете. Однажды он поводил меня по канализациям, показывая жирных серых крыс, плававших в

потоках человеческих фекалий. Думаю, после этого меня уже ничто не напугает. Друг сказал: «Мы проходили недельный инструктаж в чигвеллском водохранилище, чтобы уметь моментально распознавать человеческое тело».

«Вам для этого потребовался недельный инструктаж?» – в недоумении спросил тогда я.

Я поднялся на последнюю ступеньку и шагнул вперед, вглядываясь во мрак чердака. Глаза долго привыкали к темноте. Мне показалось, что я увидел в дальнем углу какую-то фигуру, хотя не был уверен в этом. Она была меньше человеческой. Да и *не мог* человек уместиться в таком узком пространстве между крышей и полом. На ребенка фигура тоже не походила – слишком необычная и грузная. Кошек таких размеров мне тоже не встречалось.

Нет, мне просто померещилось. Наверное, это всего лишь старое меховое пальто, брошенное на стул. На чердаке было так темно, что мои глаза сыграли со мной злую шутку. Я видел шевелящиеся фигуры и тени там, где их быть не могло. Видел прозрачные капли, проплывающие по оболочке глазных яблок. Словно пыль, слезы или какие-то царапины.

Я сделал еще один шаг. Нога уткнулась в край твердого, прямоугольного предмета – ящика или коробки. Едва дыша, я прислушался. И хотя у меня было ощущение, что на чердаке находится *нечто*, наблюдающее за мной, ожидающее, когда я подойду ближе, я решил, что и так зашел уже слишком далеко.

На самом деле, я был уверен, что вижу его. Нечто очень темное, маленькое и напряженное – замершее в ожидании. И мне стало стыдно за себя, ведь логика подсказывала мне, что в худшем случае это крупная крыса.

Я не боялся крыс. Точнее сказать, не очень их боялся. Однажды я попытался прочитать ужастик про крыс, и в итоге благополучно уснул. Крысы – это всего лишь животные, и они боятся нас больше, чем мы их.

Я снова шикнул, на этот раз осторожнее... В тот же момент мне показалось, что фигура шевельнулась.

– *Пишишиши!*

Снова никакой реакции. Даже ветер, казалось, затаил дыхание, а чердак словно заполнился вакуумом. Я сделал шаг назад, потом еще один, пытаюсь нащупать у себя за спиной перила, равномерно, насколько это было возможно, удаляясь в направлении бледного отраженного зеркалом света.

Я ухватился за перила. И тут услышал, как существо пришло в движение. Но не удалялось прочь от меня. Не стало протискиваться в какую-нибудь темную щель, как обычно делают крысы. А двинулось в мою сторону, очень медленно. С не поддающимся описанию звуком, который издавали явно не только когти и мех, но и кое-что еще. Что-то такое, что заставило меня испугаться впервые с того момента, как я спустился в канализационный люк в Ислингтоне.

– *Пишиши*, иди отсюда! – скомандовал я.

Я чувствовал себя глупо. Что, если там вообще ничего нет? Груда старого мусора, голубь, скребущийся о крышу. Действительно, что это могло быть, кроме птицы или мелкого грызуна? Летучая мышь? Возможно. Но летучие мыши неопасны, если не заражены бешенством. А крысы (если только не чувствуют голод или серьезную угрозу) гораздо больше заинтересованы в собственном выживании, чем в атаке на кого-то, кто может нанести в ответ куда более сокрушительный удар. Они трусливы.

Спина уткнулась в перила. Я ощутил сильнейшее желание убраться с чердака, причем быстро. Но, когда ступил на верхнюю ступеньку, ковер, придерживающий дверь, внезапно

расправился, и она бесшумно захлопнулась. Щелкнул замок, и я оказался в полной темноте.

Я стал нащупывать ногой следующую ступеньку, но по какой-то странной причине, все никак не мог до нее дотянуться. Лестничный проем казался пустым, как шахта лифта. Хотя меня охватила паника, я не мог заставить себя шагнуть в небытие.

– Дэнни! – закричал я. – Дэнни! Это папа! Я на чердаке!

Я прислушался. Ответа не было. Дэнни был так же вымотан, как и я. И обычно его ничто не могло разбудить. Ни раскаты грома, ни музыка, ни ругань родителей.

– Дэнни! Я на чердаке, а дверь захлопнулась!

Снова никакого ответа. Я двинулся вдоль верхней площадки лестницы, крепко держась за перила, которые были моим единственным ориентиром. Широко раскрыв глаза, я изо всех сил напряг зрение, но на чердак не проникало ни единого лучика света. Тьма была чернее, чем если укрыться горой одеял.

– Дэнни! – позвал я, не особо надеясь, что он слышит меня. Почему, черт возьми, я не могу нащупать ступеньки? Я знал, что они крутые, но не настолько же! Я снова поводил в воздухе ногой, но так и не смог их нащупать.

И тут опять услышал это шорканье. Оно было гораздо ближе – настолько, что я инстинктивно попятился прочь, насколько позволяла держащаяся за перила рука.

– Дэнни, – тихо произнес я. – Дэнни, это папа.

Виих.

Сердце билось тяжело и медленно. Рот пересох, как губка на краю пустой ванны. Впервые за всю мою взрослую жизнь я не знал, что делать. Думаю, именно ощущение полной беспомощности напугало меня больше всего.

Виих.

А затем какой-то высокий, щебечущий звук. Как будто кто-то говорил на иностранном языке, который сам не очень хорошо понимал. Разобрать что-то было невозможно. Это мог быть человек, говорящий на тайском или бирманском языке. А могло быть и повизгивание возбужденного животного. Животного, почуявшего кровь.

Я резко шикнул. Но щебетание не прекратилось. Наоборот, оно стало более торопливым и возбужденным. У меня появилось страшное чувство, будто я могу умереть в любой момент.

ДЭННИ. Это я позвал его? Голос звучал либо слишком тихо, либо так громко, что я не смог расслышать его. ДЭННИ, ЭТО ПАПА.

Затем что-то метнулось мимо во тьме, слегка задев меня. Оно было отвратительное на ощупь, холодное и колючее. Размером с десятилетнего ребенка, но *крупного*, страдающего избыточным весом. Оно царапнуло мне руку пером или когтем. И я громко вскрикнул, споткнулся и отпустил перила. Упав на спину, ударился плечом о какой-то ящик, но услышал, как существо пронеслось всего в нескольких дюймах мимо меня с торжествующим шипением. *Хих-хих-хих-хих-хих!*

Я откатился, ударился боком и полетел с лестницы вниз. Это было похоже на падение во тьму с крыши стофутового здания. Если до этого мне не удалось нащупать ступеньки ногами, то теперь я нашел их. Пока летел, успел задеть ребро каждой. Головой, плечом, бедром, локтем. Достигнув основания лестницы, я выбил коленом дверь. Меня как будто поколотили крикетной битой.

Отраженный в зеркале солнечный свет ослепил меня.

– О, боже! – воскликнул я.

Дэнни стоял на лестничной площадке в своей полосатой пижаме «Маркс Энд

Спенсерс» и ждал меня.

– Папа! – взволнованно воскликнул он. – Ты упал!

Я лежал спиной на ковре, а ногами на лестнице.

– Все в порядке, – успокоил я его. Хотя, на самом деле, больше успокаивал себя. – Там не было света, и я споткнулся.

– Ты кричал, – настаивал Дэнни.

– Да, – сказал я, поднимаясь на ноги и быстро запирая чердачную дверь на щеколду. *Я слышал это шорканье или это было просто слабое царапанье?*

– Почему ты кричал?

Я посмотрел на Дэнни и пожал плечами.

– Дверь закрылась. И я ничего не видел.

– Но ты испугался.

– Кто сказал, что я испугался? Я не испугался.

Дэнни посмотрел на меня с серьезным видом.

– Ты испугался.

Я задержал взгляд на чердачной двери чуть дольше, чем было нужно.

– Нет, – возразил я. – Ничего подобного. Просто было темно. И я ничего не видел.

2. Окно часовни

Мы сидели за завтраком на просторной старомодной кухне. Пол здесь был выложен красной керамической плиткой, а шкафы выкрашены в кремово-зеленый цвет, что считалось в 30-е годы пискom моды. Неглубокая белая раковина, казалось, использовалась раньше для проведения анатомических вскрытий. В окне виднелся сломанный шпиль заброшенной часовни. Дэнни сидел за столом перед миской «Витабикс»^[2] и болтал ногами. В солнечном свете его взлохмаченная голова напоминала сияющий одуванчик.

Он был очень похож на свою мать. Большие карие глаза, тонкие руки и тонкие ноги. Разговаривал он тоже как мать – просто и деловито. Я с самого начала должен был понимать, что не смогу прожить долго с простой и деловитой женщиной. Я был слишком теоретиком – и чаще полагался на вдохновение, чем на здравый смысл.

Мы с Джени познакомились в Брайтонском колледже искусств, когда я был на последнем курсе, а она на первом. Она много хихикала и закрывала лицо волосами, но была настолько красива, что я не мог не завести с ней разговор под первым же предлогом... Три года спустя мы встретились снова на одной летней вечеринке в Гастингсе. В тот вечер она была в длинном фиолетово-белом платье из тонкого индийского хлопка, в фиолетовом платке, повязанном на голове. И я влюбился в нее мгновенно и бесповоротно. Я до сих пор любил ее, но теперь в моем чувстве было больше тупой покорности. Из бесчисленных истерик и перепалок я понял, что нам никогда не быть вместе.

В Брайтоне на Норт-стрит у меня была своя студия интерьерного дизайна. Однажды сырым февральским утром Джени пришла и заявила, что уходит от меня. По крайней мере ей хватило смелости сказать это мне в лицо. Джени хотела переехать в Дарем с каким-то типом по имени Рэймонд и работать там в местном совете. Она спросила, не смогу ли я пару месяцев присмотреть за Дэнни. «Что ж, удачи, – сказал я. – Надеюсь, вы с Рэймондом безумно счастливы вместе».

Колокольчик над дверью звякнул, и она ушла. На улице ее ждал бородастый, встревоженный мужчина в мокром бежевом пальто. Чертов Рэймонд.

После этого я полностью утратил интерес к дизайну интерьеров. Отправлялся с Дэнни в долгие прогулки по побережью и перестал отвечать на звонки. Три месяца спустя мне пришлось продать запасы обоев, альбомы с образцами и искать постоянную работу. Как позже выяснилось, без особого успеха. Я не хотел работать за рыбным прилавком в «Асде»^[3], и прав на вождение грузовика у меня не было.

Однако в начале лета в пабе «Кингс Хэд» на Дюк-стрит я наткнулся на Криса Перта. Крис был одним из моих собутыльников в колледже искусств. Бледный, не очень общительный, странноватый парень, ярый фанат дзен-буддизма и коричневых вельветовых штанов. Мы купили друг другу по паре горького «Тетлиз» и обменялись своими душещипательными историями. У него умерла мать. И в этом я едва ли мог его утешить, разве что предложить навестить старую цыганку с Брайтонского пирса, позолотить ей ручку и попросить устроить беседу с душой усопшей. А вот Крис очень помог мне. Он был приемным племянником мистера и миссис Брайан Таррант, миллионеров, разбогатевших на производстве ковровой плитки, и владельцев Фортифут-хауса, что на острове Уайт. Крис рассказал, что Таррантам нужно недорого отремонтировать и декорировать дом, а также прополоть сад. «Навести марафет», как он выразился, с целью продажи дома. Похоже, это

была та самая тихая работа в уединенном месте, которую я искал. Можно было провести все лето с Дэнни, ни о чем больше не беспокоясь.

Мы прибыли на остров Уайт вчера поздно вечером на пароме из Портсмута, затем проехали до южной оконечности, до приморской деревеньки Бончерч, словно сошедшей со страниц детского ежегодника, с аккуратными домиками, тенистыми дорожками и жаркими побеленными садиками с мальвой и шмелями.

Раньше я никогда не приезжал на остров Уайт. Да и не было для этого ни одной причины. Тут бывают разве что те, у кого есть дети и кто хочет устроить им дешевый отдых у моря. Либо студенты, изучающие Викторианскую эпоху и желающие погулять вокруг дома королевы Виктории в Осборне. Это маленький ромбовидный остров у южного побережья Англии, всего в двадцати минутах езды от Портсмута на автомобильном пароме через укрытые от ветров воды Спитхеда. От западного до восточного побережья не больше двадцати миль и двенадцать – с севера на юг. Осколок южных гемпширских земель, известный римлянам под названием Вектис.

Большинство здешних городов и деревень – настоящие ловушки для туристов, с их крытыми соломой домиками, музеями кукол, миниатюрными железными дорогами и парками фламинго. Но по мере продвижения к западу остров со своими садами и кедрами постепенно набирает высоту, природа становится более дикой, пока вы не достигаете песчаных утесов Алум-Бея и напоминающих церковные пики скал Нидлз.

На этих утесах, вдали от людских толп, вы бы увидели, что собой представляет остров Уайт на самом деле. Живописный пейзаж, вызывающий странное ощущение безвременья. Ощущение, что на этом острове высаживались римляне. Что англосаксы разводили овец на широких склонах его холмов. Что Виктория и Альберт прогуливались, беседуя, по его ухоженным садам. Что в 20-х годах по его узким закоулкам колесили взад-вперед автобусы с шинами-баллонами и плоскими лобовыми стеклами.

Поэтому он и нравился мне, а еще потому, что был уютным. Дэнни он тоже понравился, и это было самое главное.

Возможно, мы оба чувствовали, что убежали от суровой реальности на бескрайнее золотое побережье с морскими звездами, заводями, ведерками и совочками.

Вскоре после приезда я позвонил Джени в Дарем, чтобы сообщить ей наш номер телефона и сказать, что с Дэнни все в порядке.

– Ты же не будешь настраивать его против меня, правда, Дэвид?

– Зачем это мне? Ему нужна мать, как и всем детям.

– Но ты же не дашь ему почувствовать, будто я его бросила?

– Мне не придется этого делать. Он уже так считает.

Она тяжело вздохнула:

– Ты обещал, что не будешь настраивать его против меня.

– С ним все в порядке, – успокоил я ее. Тогда мне не хотелось вступать в очередной спор, особенно по телефону. – Я стараюсь упоминать о тебе так часто, как только возможно.

– Насколько часто?

– Джени, прекрати, пожалуйста. Я постоянно говорю, например: «Интересно, что сейчас делает мама?» и «Держу пари, что мама хотела бы посмотреть на тебя в этих штанишках». Чего еще ты хочешь?

В трубке повисло молчание. Потом раздался голос убитой горем Джени:

– Я очень по нему скучаю.

Я поморщился, чего она, естественно, не могла видеть. Это была не саркастическая гримаса, а выражение лица, которое бывает, когда понимаешь, что делаешь все возможное, но этого оказывается недостаточно. И что тебе до конца жизни придется терпеть последствия.

– Я знаю, – сказал я ей. – Сделаю завтра несколько снимков на пляже и пошлю тебе. Ничего не сказав, Джени повесила трубку.

– Итак, что будем сегодня делать? – спросил я Дэнни.

Он стоял на поросшей мхом кирпичной террасе, выходящей на задний двор. Ноги широко расставлены, руки на бедрах, нижняя губа выпячена. Эту позу он принимал, когда хотел выглядеть взрослым. На нем была футболка в красно-зеленую полоску и красные шорты с эластичным поясом.

– Исследовать, – предложил он.

Я огляделся, прикрыв глаза от солнца.

– Думаю, ты прав. Давай обойдем дом и посмотрим, что нужно сделать.

– У тебя здесь синяк, – сказал он, показывая на мою левую скулу.

– Знаю. Ударился, когда упал с лестницы. Я весь в синяках.

– Нам нужен фонарик, – решил он.

– Ты абсолютно прав. Давай все осмотрим, а потом пойдем и купим себе самый классный и мощный фонарик.

Дэнни стал спускаться по лестнице впереди меня. Повсюду между кирпичами росла трава, а мох в некоторых местах был такой густой, что походил на раскисший зеленый ковер. Я вспомнил, как из одного дома в Брайтоне вытаскивали такой ковер после пожара, в котором погибли две маленькие девочки.

Дэнни шел вдоль опорной стены, окаймляющей террасу, и пел песенку «Великий герцог Йоркский».

– Вчера, когда ты уже спал, я разговаривал по телефону с мамой.

Дэнни продолжал размахивать руками.

– У него было десять тысяч солдат...

– Хочешь знать, что она сказала?

– Он их на гору послал...

– Она сказала, что любит тебя. Сказала, что скучает. Сказала, что очень, очень скоро приедет повидать тебя.

– А потом с горы назад.

– Дэнни.

Он остановился в самом конце стены. Над его головой кружила чайка, крича, как плачущий ребенок. Стало тепло, и голубое небо было усеяно маленькими, похожими на кусочки ваты облаками.

– Она сказала, что любит тебя и что скучает.

По щеке у него скатилась слеза. Я шагнул к нему, чтобы обнять, но он отступил назад. Ему не хотелось обниматься.

– Дэнни, я знаю, как это тяжело, – сказал я на манер персонажа из плохого австралийского телесериала. Откуда мне, черт возьми, было знать, каково это семилетнему мальчишке – потерять мать?

Чувствуя себя беспомощным, я отвернулся и поднял глаза на Фортифут-хаус – на его

задний фасад, смотревший на сад и море. Из-за резкого уклона садовых земель стены казались неестественно высокими. Их сложили из темно-красного кирпича. Местами он так потемнел, что приобрел почти каштановый цвет. Гигантская аляповатая крыша была облицована замшелой бурой плиткой. Изначально все оконные рамы сделали из дуба – во всяком случае, так сказала мне миссис Таррант, но в 20-е годы их заменили на металлические. Они были выкрашены в черный цвет, от чего окна казались пустыми, а дом – заброшенным. Когда я только увидел Фортифут-хаус, первым делом решил перекрасить все металлические конструкции в белый цвет.

Дымоход был старым, изначальной постройки. Высокий, широкий, аккуратно выложенный из кирпича. Пригодный, чтобы жечь уголь. Хотя погода сейчас стояла почти как в субтропиках, мне подумалось, что зимы в Бончерче бывают довольно суровыми.

Похоже, в свое время всю заднюю часть дома обвивали вьюны, но они давно зачахли и погибли. Осталось лишь несколько высохших усиков, застрявших в швах кладки.

Что-то в пропорциях Фортифут-хауса раздражало меня. Его углы почему-то выглядели неправильными. Крыша казалась слишком громоздкой, а один ее скат отличался слишком высоким углом наклона. Я сделал шаг назад, но углы по-прежнему выглядели неправильными. Шагнул в сторону, они изменились, но опять не гармонировали друг с другом. Фортифут-хаус был одним из самых неправильных зданий, с которыми я когда-либо сталкивался. Независимо от того, с какой точки вы на него смотрели, оно всегда казалось каким-то неправильным, некрасивым и несбалансированным.

Его неправильность была буквально возведена в закономерность, поэтому я начал подозревать, что архитектор сделал это умышленно. Со всех сторон дом выглядел так, будто у него был только фасад, без глубины. Мне казалось, что за видимой мне стеной нет вообще ничего, кроме заброшенного пустого сада. Что Фортифут-хауса просто не существует.

Дэнни отказался взять меня за руку и спрыгнул со стены. Затем с мрачным видом побрел через сад, мимо густо переплетенных голых розовых кустов. Я двинулся за ним следом, ощущение в желудке было как будто с похмелья. Как могли мы с Джени заставить его так страдать? Иногда у меня мелькала мысль, что наша идея завести ребенка была ошибкой. Все равно что разводить пернатую дичь для отстрела.

– Думаю, на чердаке есть крыса, – сказал я ему, пока мы тащились по гравийной дорожке мимо конюшни.

Он не отозвался.

– Когда добудем фонарик, пойдем и поищем ее, ладно?

Он остановился, повернулся и хмуро посмотрел на меня:

– Крысы могут укусить.

– Ну да. Но, если надеть толстые штаны и рукавицы, все будет в порядке. И, как правило, они боятся нас больше, чем мы их. Я видел их в канализации.

– Могу взять свой водяной пистолет, – предложил Дэнни.

Я взял его за руку.

– Да, можешь, – сказал я. – Можешь наполнить его красными чернилами, как делают в комиксах. Если попадешь в крысу, будет похоже на кровь. И если увидим ее снова, будем знать, чья это крыса.

Дэнни идея понравилась. Затем он проводил меня к фасаду дома и очень серьезно стал осматривать вместе со мной кусты рододендрона. Со знанием дела прокомментировал возгласами состояние крыши и подъездной дорожки.

Боже всемогущий, как же я его люблю!

Он начал что-то щебетать про школу, про телесериал «Лунная пуговица» и про то, что решил перейти на комиксы «Бино», так как они для детей постарше. Он спросил, можно ли подкинуть его мишку так высоко, чтобы тот улетел на орбиту. Если раскрутить сильно-сильно, а потом отпустить? Он не решался попробовать, потому что боялся потерять мишку навсегда. Это был мамин подарок, и потеря сильно огорчила бы его.

Мы сели на выкрашенную белой краской чугунную скамью и стали смотреть сквозь сад на море. Трава и сорняки доходили до колен. Теплый ветер дул нам в лицо и шевелил волосы.

– Иногда люди не могут жить друг с другом, – сказал я ему. – Они любят друг друга, но вместе жить не могут.

– Это глупо, – сказал Дэнни.

– Да, – согласился я. – Так оно и есть.

Потом произнес:

– Тук-тук. – Кто там? – Коровы. – Какие коровы? – Обыкновенные. – Балбес, обыкновенные коровы мычат, а не стучат.

Дэнни посмотрел на меня осуждающе:

– Ерунда какая-то.

– Согласен. Все шутки – ерунда. Но они вызывают у людей смех, и это главное.

Пока Дэнни что-то напевал себе под нос и болтал ногами, я неожиданно для себя внимательно оглянулся на Фортифут-хаус. Даже отсюда скаты крыши выглядели необычно. Я видел слуховое окно моей комнаты, выходящее на юг, и спускающуюся по обе стороны от него плитку. Странно было то, что, вопреки моим ожиданиям, западная стена дома была абсолютно вертикальной, до самой крыши, хотя потолок в моей комнате тоже был скошен.

Другими словами, между наклонным потолком в моей комнате и вертикальной внешней стеной дома должно быть какое-то непонятное изолированное пространство в виде перевернутой пирамиды.

Еще сильнее меня озадачило то, что, когда я прищурил глаза, разглядел под декоративной штукатуркой едва заметный прямоугольный контур, как будто там было окно, которое впоследствии замуровали. Значит, когда-то в моей комнате была ровная западная стена с окном, смотревшим на высокие ели, росшие за земляничными грядками.

Мне не приходило в голову ни одной логичной причины, почему это окно замуровали, а потолок наклонили, как если бы крыша была покатой. Возможно, дело было в том, что дерево сгнило, во влажности воздуха или в какой-то строительной ошибке. Но замуровывать окно ради решения любой из этих проблем казалось мне неразумным. Я долго сидел, хмуро глядя на крышу, пока Дэнни не перестал петь и не спросил:

– В чем дело?

– Ни в чем, – ответил я.

Он тоже посмотрел на крышу.

– Раньше там было окно, – с уверенностью сказал он.

– Ты прав. Его замуровали.

– Зачем?

– Именно это я и пытаюсь понять.

– Может, не хотели, чтобы кто-то вылез.

– Может, и так, – согласился я. И добавил: – Что значит «вылез»?

– Ну, чтобы кто-то залез, окно слишком высоко, – сказал Дэнни.

Я кивнул. Я всегда поражался аналитическому складу ума у детей. Они отбрасывают в сторону все отговорки и компромиссы, которые охотно принимают взрослые, и смотрят на все незамутненными глазами. Но есть у них и кое-что еще. Шестое чувство. Близость к природе. Они могут разговаривать с деревьями, животными и лягушками и иногда получают ответ.

– Интересно, кто раньше жил в той комнате, – сказал Дэнни.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну кого оттуда не хотели выпускать.

– Хм, – произнес я. – Понятно.

Сцепив руки за спиной, мы отправились назад к террасе. Отец и сын.

– Мама придет к нам? – спросил Дэнни.

– Не знаю, – ответил я. – Наверное, нет. Во всяком случае, пока. Там, в Дареме, у них с Рэймондом много дел.

– Ты можешь жениться еще раз, – предложил Дэнни.

Я посмотрел на него, улыбнулся и покачал головой:

– Даже не думал об этом. Еще рано.

– Но ты же будешь одиноким.

– Разве я могу быть одиноким? У меня есть ты.

Дэнни с серьезным видом взял меня за руку.

– Почему бы нам не пойти и не взглянуть на кладбище? – спросил я. Все лучше, чем бродить по Фортифут-хаусу с его нервирующими углами, да еще это странное ощущение, что одновременно находишься не только здесь, но и где-то в другом месте. Это было похоже на то, как палка, погружаемая в воду, кажется изогнутой. Под каким углом она реальна? Какой из миров реален?

Мы пересекли сад и спустились к ручью. Под зеленой тенью нависающих папоротников тот оказался гораздо стремительнее, чем я ожидал. Прозрачный, шумный и очень холодный. Над ним метались, то и дело зависая, две синие стрекозы. Мы с Дэнни перебрались, балансируя, по мшистым камням, затем поднялись по крутому склону на округлую вершину холма и подошли к кладбищенской стене. Ветер донес сильный запах дикого тимьяна, напомнивший мне о ком-то или о чем-то давным-давно мне знакомом. Странное чувство, природу которого трудно было определить. Чем больше я пытался вспомнить, кого или что напоминает мне этот запах, тем неуловимее он становился.

Дэнни перелез через крошащуюся, поросшую мхом стену, а я обошел кругом и открыл ржавую железную дверь.

На кладбище было безветренно и намного теплее. Мы шли бок о бок по высокой сухой траве, вокруг нас плясали бабочки-капустницы и монотонно скрипел и стонал огромный кедр. Меня буквально переполняло чувство умиротворения и безвременья. Мы могли гулять так в любой летний день, а то и несколько летних дней подряд. Здесь не действовал календарь. Прошлое здесь существовало одновременно с будущим.

Мы подошли к первому надгробию – покосившемуся белому камню со слепым ликом ангела. Джеральд Уильямс, призван Богом 7 ноября 1886 года в возрасте 7 лет.

– Он же был не очень старым, правда? – спросил Дэнни, касаясь надписи кончиками пальцев.

– Да. Твоего возраста. Но в те времена дети умирали от болезней, от которых сейчас уже не умирают. От таких, как свинка, скарлатина или коклюш. У них не было лекарств, чтобы

вылечиться.

– Бедный Джеральд Уильямс, – произнес Дэнни с искренней жалостью в голосе.

Я положил руку ему на плечо, и мы двинулись к следующему надгробию. Мраморная плита в форме раскрытой Библии. Сусанна Гослинг. Покойся в мире. Умерла 11 ноября 1886 года в возрасте пяти лет.

– Еще один ребенок, – сказал Дэнни.

– Наверное, у них была эпидемия, – предположил я. – Знаешь, это когда заболевает целый город или деревня.

Мы ходили от могилы к могиле. Ангел с оливковой ветвью в руке. Высокий кельтский крест. Простой прямоугольный камень. И снова одни дети. Генри Пирс, 12 лет. Джокаста Уоррен, 6 лет. Джордж Герберт, 9 лет.

В общей сложности мы обнаружили на заросшем сорняками кладбище шестьдесят семь могил, и все – детские. Здесь не было ни одного ребенка младше четырех лет и старше тринадцати. И все они умерли в течение двух недель в ноябре 1886 года.

Я остановился возле полуобвалившейся стены часовни, под пустым готическим окном, и огляделся.

– Похоже, здесь произошло что-то странное, потому что все эти дети умерли примерно в одно время.

– Наверное, как ты и сказал, – кивнул Дэнни с серьезным видом. – Эпидемия.

– Но здесь вообще нет взрослых. Ни одного. Если бы все дети умерли от какой-то болезни, как минимум один взрослый тоже подхватил бы ее.

– А может, был пожар, – предположил Дэнни. – На дне рождения у Лоуренса однажды тоже случился пожар. Его мама принесла торт со свечками и случайно подожгла шторы. Там были одни дети.

– Возможно, ты прав. Но, если б это был пожар или какое-то другое несчастье, об этом упоминалось бы на надгробиях.

– Если бы меня задавил автобус, я не хотел бы, чтобы ты написал про это на моем надгробии. Здесь лежит Дэнни, которого задавил автобус.

– Это другое.

– Нет, не другое.

– Ладно, сдаюсь. Давай посмотрим часовню изнутри.

– Думаю, это была церковь.

– Да, вроде того. Часовня – это маленькая церковь.

Выбеленные непогодой двери часовни оторвались от ржавых петель, и их заклинило. Однако я, нажав плечом на правую створку, сумел сдвинуть ее на шесть или семь дюймов, и мы с Дэнни протиснулись внутрь.

– Не порви футболку о гвоздь.

Крыши не было. То, что осталось от нее, лежало грудой у наших ног. Сотни разбитых плиток, сквозь которые проросла трава, мать-и-мачеха и чертополох. На стенах еще сохранилась побелка, хотя от сырости они покрылись черными потеками, а большую часть западной стены заполонил дрожащий на ветру плющ. Хрустя черепицей, мы подошли к высокому алтарю из песчаника и огляделись. Казалось, святости в этих стенах почти уже не осталось. Просто заброшенное место, где вместо прихожан ютились птицы, а вместо церковных песнопений слышались стоны кедра.

– Какая страшная часовня, – сказал Дэнни.

– О, не бойся. Это потому, что она заброшенная.

Мы медленно стали пробираться к выходу. Вдруг Дэнни сказал:

– Посмотри сюда. Ноги.

– Ноги? О чем ты?

– Вот, смотри, – он подошел к западной стене и указал в самый низ, где кончался плющ.

И действительно, из-под него проступала пара нарисованных босых ног.

– Это фреска, – пояснил я. – Возможно, одна из остановок на крестном пути.

– Что это такое? – спросил Дэнни.

– Я покажу тебе.

Схватившись за плющ обеими руками, я стал понемногу отрывать его от кладки. Раздался звук рвущегося белья, но он продолжал упорно цепляться за стену. Постепенно я расчистил рисунок – сперва завернутые в белое одеяние ноги, затем руку, пояс и еще одну руку.

– Ну вот, похоже, это Иисус, – сказал я Дэнни.

Затем сделал последний рывок, и огромная куча плюща с шелестом упала вниз, явив относящийся, по всей видимости, к прерафаэлитическому периоду портрет женщины с густыми рыжими волосами, красной головной повязкой и необычным, очень эмоциональным лицом. Хотя краски, по большей части, поблекли от времени, иссушенные плющом, женщина все еще выглядела восхитительно. Изображение было настолько реалистичным, что казалось, она вот-вот заговорит с нами.

Однако беспокоил меня не столько реализм портрета, сколько то, что обвилось у женщины вокруг шеи. Краска в этом месте так потрескалась и выцвела, что сперва я принял это за какой-то темный меховой шарф. Но, когда присмотрелся внимательнее, я понял, что это огромная крыса либо животное, очень похожее на нее. У него была отвратительная бледная морда с раскосыми глазами, но с таким выражением, которое скорее увидишь у человека, чем у животного. Глумливым, расчетливым и хитрым.

– Это не Иисус, – решительно заявил Дэнни.

– Да, верно.

– А кто тогда?

– Не знаю. Понятия не имею.

– Что за страшная штука у нее на плечах?

– Крыса, по-моему.

– Ужас какой.

– Ты прав. Давай закроем обратно.

Я попытался натянуть плющ на рисунок, но он не держался на стене, отказываясь возвращаться на место. В конце концов пришлось оставить фреску открытой. Почему-то и эта странная женщина, и крыса с коварным выражением морды показались мне очень неприятными, даже отталкивающими. Особенно тревожил меня некий намек на непонятный симбиоз между ними. Будто женщина нуждалась в крысе так же сильно, как и та в ней.

– Может, пойдём? – спросил Дэнни, и я кивнул, хотя оторвать взгляд от женщины было нелегко.

Дэнни забежал вперед и взобрался на груды битой черепицы и камней, чтобы посмотреть в пустое готическое окно.

– Отсюда пляж видно, – сказал он. – Смотри, а еще задние ворота.

Я встал рядом с ним, положив локти на каменный подоконник. Вид отсюда был

восхитительный – высокие деревья, сад, дорожка, спускавшаяся к морю. Издали сад выглядел на удивление ухоженным. Даже земляничные грядки казались аккуратно прополотыми, а сквозь сетку проглядывали красные ягоды. Вода в пруду поблескивала в лучах утреннего солнца, отражая плывущие по небу облака.

– Там рыбацкая лодка, – сказал Дэнни.

Сквозь деревья я мог различить лишь треугольный парус цвета ржавчины, поднятый на посудине, которая медленно подплывала к берегу.

– Когда-нибудь поплаваем на лодке, – пообещал я. – Только ты должен научиться плавать.

– Можно надеть надувные нарукавники, – предложил Дэнни.

Я перевел взгляд на Фортифут-хаус. Декоративная штукатурка, казалось, сияла в солнечном свете еще ярче. Даже окна светились. Странно, но мне показалось, будто на каждом окне есть занавески, хотя я вешал их только в своей спальне и у Дэнни.

Я нахмурился и прищурился. Что-то очень неправильное было во всем этом. Отсюда Фортифут-хаус уже не выглядел обветшалой развалюхой, покрытой пятнами сырости, которую меня попросили отремонтировать. Отсюда сад не напоминал густые джунгли, которые я должен был вычистить и прополоть. Отсюда дом смотрелся как новенький, а сад казался ухоженным.

Здание выглядело в точности как на старой фотографии, висевшей в коридоре на первом этаже... Фортифут-хаус 1888 года.

Почувствовав за спиной неприятный холодок, я снова взглянул на домики возле пляжа. Они не сильно изменились, разве что с крыш исчезли телевизионные антенны. Теперь я видел их четче, потому что нас не разделяли деревья и живые изгороди.

Я перевел взгляд на кладбище. Трава была аккуратно скошена, на круглых клумбах цвела герань. А надгробий не было. Ни одного.

– Дэнни... – сказал я, положив руку ему на плечо. – Думаю, пора уходить.

– Я просто хочу увидеть, как рыбацкая лодка кидает якорь.

– Ты можешь сбежать на пляж и посмотреть оттуда.

Но не успел я спуститься с груди щебня, как заметил, что кто-то вышел из кухни Фортифут-хауса и спокойно, уверенно зашагал по залитой солнцем террасе. Это был мужчина в черном фраке и высоком черном цилиндре. Он держался за лацканы и оглядывался по сторонам, словно проводил осмотр.

Дойдя до середины лужайки, он остановился и сложил руки за спиной, очевидно наслаждаясь морским бризом.

Пока он стоял там, я уловил еще какое-то движение. В одном из верхних окон дома я заметил чье-то мелькнувшее бледное лицо. Я присмотрелся, и на мгновение мне показалось, что это морда той самой крысы с фрески, которая свернулась вокруг шеи у женщины.

Затем она исчезла. И окна снова зияли темнотой.

– Эй! – крикнул я мужчине на лужайке.

Если он реальный человек, а не галлюцинация, то должен меня услышать.

– Эй, вы! – крикнул я. – Да, вы, на лужайке!

– Кто это? – спросил Дэнни.

– Ты тоже его видишь?

– Конечно. На нем смешная шляпа.

– Вы! – снова крикнул я и помахал.

Мужчина обернулся и посмотрел на часовню с мрачным, недовольным видом. На секунду замешкался, словно раздумывая, подойти ли ему к нам, но потом развернулся и быстро зашагал по направлению к дому.

– Эй! – крикнул я. – Эй! Пойдите!

Но мужчина не обращал на меня никакого внимания, шагая к дому своими длинными, похожими на ножницы ногами.

Распахнулась дверь и – ой! В дом влетает красноногий злой портной!^[4]

– Идем, Дэнни! – воскликнул я. – Мы должны догнать его.

Мы спустились на пол и протиснулись через дверной проем. Оказавшись снаружи, я внезапно обнаружил, что кладбище снова заросло и надгробия стоят там же, где и раньше, – покосившиеся, полуразрушенные и вполне реальные. Мы поспешили вниз по заросшему травой склону. Балансируя, перебрались через ручей. А затем, задыхаясь, бросились по лужайке к террасе. Подойдя к дому, я увидел, что дверь на кухню приоткрыта. Я точно знал, что закрывал ее, когда мы выходили.

Жестом приказав Дэнни держаться позади меня, я медленно и очень осторожно приблизился к ней. Резко распахнул. Ударившись о стену, дверь завибрировала, а потом замерла.

– Кто здесь? – крикнул я. – Предупреждаю, это частная собственность.

Ответа не последовало. На кухне стоял затхлый запах. Запах забитых стоков, слишком долго стоявших закрытыми шкафов. И отбеливателя «Доместос». Солнечный свет, падавший сквозь окна в металлических рамах, делил кухню на квадраты.

Я остановился и прислушался. Затем крикнул:

– Я знаю, что вы здесь! Я хочу, чтобы вы вышли!

Ты действительно хочешь, чтобы он вышел? Этот мрачный тип в высоком цилиндре?

– Это частная собственность, и я хочу, чтобы вы вышли. И вышли немедленно!

– Папа, там кто-то есть? – спросил Дэнни.

– Не знаю, – ответил я. – Я никого не слышу, а ты?

Дэнни приложил руку к уху и нахмурился:

– Я слышу море и больше ничего.

Я сделал два-три шага вперед. Кухня – самое оживленное место в доме, если в нем живет семья. И всегда самое безжизненное, если дом необитаем. На крючках в ряд висела кухонная утварь: шумовка, толкушка, сервировочная вилка. Эмаль на ручках покрывали царапины и сколы – значит, этими вещами часто пользовались. Но теперь от них веяло холодом, чистотой и ненужностью. Теперь они излучали лишь воспоминания, а не любовь и удовольствие от совместной трапезы.

– Если здесь кто-то есть, то вам лучше выйти, – предупредил я. – Иначе я позвоню в полицию, и вас арестуют за проникновение.

После очередной длинной паузы я услышал поспешное шарканье в коридоре и звук открывшейся входной двери. Не раздумывая (я, должно быть, сумасшедший), я кинулся через кухню и с грохотом распахнул дверь в коридор. И в тот же момент заметил, как на переднее крыльцо выскочил кто-то в черном и бросился бежать со всех ног вверх по крутой подъездной дорожке.

Я кинулся в погоню, хотя уже знал, что преследую не мужчину с бакенбардами в высоком цилиндре. Добежав до дороги, ведущей в деревню Бончерч, я увидел, что от меня улепетывает невысокая светловолосая девушка в черной толстовке и льняных шортах, с тяжелым вещмешком, болтавшимся на плече.

– Стой! – задыхаясь, крикнул я. – Стой, ради бога. Я не буду звонить в полицию.

Девушка остановилась, наклонилась, упершись руками в колени и лоя ртом воздух.

– Извини, – сказала она. – Я не знала, что там кто-то есть.

Мы стояли рядом в тени вязов и пытались отдышаться. Дэнни вышел из входной двери, остановился и наблюдал за нами.

– Извини, – повторила девушка. Она откинула рукой волосы и подняла голову. – Я правда не знала, что там кто-то есть.

Я окинул ее взглядом. Лет девятнадцать-двадцать, не больше. Овальное «английское» лицо и очень широкие глаза, какие-то иссиня-фиолетовые. На ней были дешевые серебряные украшения, которые обычно носят студенты, – круглые серьги и кольца с полудрагоценными камнями. Говорила она на правильном английском с легким акцентом. С гемпширским или суссекским, как мне показалось. Довольно симпатичная, на самом деле, хотя еще не совсем сформировавшаяся. Не совсем сформировавшаяся для тридцатитрехлетнего мужчины с семилетним сыном и разбитым браком за плечами. А еще она была слишком маленького роста на мой вкус. Под черной толстовкой с логотипом рок-концерта в Небуорт-хаусе^[5] угадывалась пышная грудь, и это при росте метр шестьдесят, не больше.

– Что ты ищешь? – спросил я ее.

– Ничего не ищу. Друг сказал, что этот дом пустует.

– И?..

– И я решила поселиться здесь на лето. Комнату я позволить себе не могу. Точнее, я могу позволить себе комнату, но тогда вся моя зарплата будет уходить на аренду.

– Понимаю, – я огляделся. – Ты не видела в доме мужчину?

– Что? Какого мужчину?

– В дом вошел какой-то мужчина. На нем было что-то вроде темного пальто и высокая черная шляпа. Вид у него довольно старомодный.

Девушка фыркнула и покачала головой:

– Нет. Никого не видела.

– Что ж, извини, что погнался за тобой. Я увидел в саду мужчину и подумал, что ты – это он. Я присматриваю за этим домом и привожу его в порядок.

– О, понимаю, – сказала она.

– Работы невпроворот, – сообщил я.

– Но дом хоть и старый, но очень красивый, правда?

Я кивнул и пожал плечами. В тот момент я не понимал, какие чувства испытываю к Фортифут-хаусу. После того как я столкнулся с неизвестным существом на чердаке и увидел в саду человека в черном, я не был уверен, что хочу остаться.

Девушка подтянула повыше мешок на плече:

– Тогда я лучше пойду.

– Куда ты пойдешь?

– Ну... в Вентноре есть пустующая мастерская по обработке шерсти. Попробую поселиться там.

– Послушай... – сказал я, увидев, что Дэнни поднимается по подъездной дорожке, – мы

собираемся спуститься к набережной и что-нибудь там попить. Не хочешь присоединиться? Мешок можешь оставить здесь.

– Было бы здорово, – сказала она. – Если только твоя жена будет не против.

– Я в разводе. Теперь мы с Дэнни одни.

Девушка одарила Дэнни широкой улыбкой:

– Привет, Дэнни. Я Элизабет. Можешь звать меня Лиз, но только не Лиззи. Терпеть не могу имя Лиззи.

– Привет, – сказал Дэнни, недоверчиво глядя на нее.

Иногда мне казалось, что, если бы у сына вместо глаз были пулеметы, каждая девушка, попытавшаяся заговорить с ним, была бы скошена очередью едва открыв рот. Его мать ушла, но он по-прежнему рьяно защищал ее.

– Элизабет идет с нами за напитками, – сказал я ему. – Хочешь мороженого?

Дэнни кивнул.

– Я устроилась на лето в парк тропических птиц, – сообщила Лиз. – Можете прийти, посмотреть, как я работаю. Я пропущу вас бесплатно. И, – она повернулась ко мне, – называйте меня Лиз.

– Хорошо, – согласился Дэнни.

– Давай сюда, – сказал я, забирая у Лиз мешок, и мы вместе направились обратно к дому.

– Так ты профессиональный смотритель за птицами? – спросил я. – Орнитолог или что-то вроде?

– Нет, я студентка. На третьем курсе факультета социологии в Эссексе. В любом случае, присматривать за птицами я не буду. Терпеть их не могу. Особенно их маленькие глазки. Я буду готовить на гриле гамбургеры.

Мы вошли в дом. Дэнни забежал перед нами на кухню.

– Остров Уайт ты выбрала по какой-то конкретной причине? – спросил я Лиз.

– Не знаю. Это всего лишь остров. На островах всегда все по-другому. Словно застреваешь во времени, если ты понимаешь, о чем я.

– Да, – сказал я. – Я понимаю, о чем ты.

Не знаю почему, но она заметно подняла мне настроение.

– Мешок можешь оставить здесь. Кафе должно уже открыться.

Лиз огляделась.

– А мне бы понравилось здесь жить. Довольно роскошно, по сравнению с моим прежним жильем.

Она проследовала за Дэнни на террасу. Я остался на кухне, глядя, как они стоят рядышком в лучах солнечного света. Дэнни что-то сказал, и Лиз кивнула. А затем начала что-то объяснять ему с серьезным видом, энергично жестикулируя. Дэнни смотрел на нее так же серьезно. В этот момент я понял, что они отлично поладят. Юная Лиз была такой открытой, а Дэнни отчаянно нуждался в женском обществе. О себе я не думал. Мне хотелось лишь какого-то покоя.

С того места, где я стоял, мне была видна фотография Фортифут-хауса, висевшая на стене в коридоре. После некоторого колебания я подошел и внимательно взглянул на нее.

На стене осталась висеть не только эта фотография. Была тут картина маслом, изображавшая горы Кашмира, написанная по памяти отставным офицером индийской армии. Во всяком случае, так мне сказала миссис Таррант. Гравюра, запечатлевшая

лондонскую Риджент-стрит. И фотография «Мастер Дэнис Литгоу, первый мальчик, летавший в Египет. Прибыл в Александрию на гидросамолете „Импириал эйрвэйз“».

А рядом – «Фортифут-хаус, 1888». Тот же самый дом и тот же самый мужчина, стоявший в саду, в черном фраке и черном высоком цилиндре. Я начал внимательно изучать снимок. Сомнений не было. Сад выглядел именно таким, каким я увидел его в окно часовни.

Если бы Дэнни тоже не видел его, я бы с легкостью поверил, что мне это почудилось. Усталость, стресс. Резкая смена обстановки. Но сын тоже все видел. Видел Фортифут-хаус именно таким, каким он был более ста лет назад.

– Папа, ты идешь? – крикнул Дэнни.

Я последний раз пристально взглянул на фотографию и пошел на кухню. И тут же отчетливо услышал какой-то царапающей звук. Будто кто-то бежал вдоль стены за плинтусом. Я остановился и прислушался.

– Папа? Идем-же! – поторопил меня Дэнни.

– Подожди секундочку! – крикнул я в ответ, продолжая прислушиваться.

Оно по-прежнему находилось где-то в доме. Я слышал его, я его чувствовал. Оно бегало в пустотах между стенами и в туннелях. У меня было жуткое ощущение, будто оно считало себя хозяином этого дома. А мы с Дэнни были лишь раздражавшими его незваными гостями.

А еще у меня было ощущение, что это вовсе не крыса. А нечто куда страшнее.

3. Пляжное кафе

Мы спустились через сад, прошли под деревьями, пересекли по импровизированному деревянному мостику ручей, вышли через задние ворота и оказались на тропинке, вившейся позади прибрежных коттеджей. А поскольку двери во всех домах были открыты, мы могли заглядывать внутрь. Своими столами и стульями из темного дуба, сияющей бронзовой утварью и отутюженными льняными скатертями каждый коттедж напоминал пародию на аккуратный, уютный приморский домик. Среди горшков с геранью возлежал, зевая, рыжий кот.

Последний крутой поворот Дэнни пробежал, шлепая сандалиями по горячему асфальту, и тропа вывела нас на набережную. Пляж не совсем годился для купания, он был усеян камнями и грудями зеленовато-бурых водорослей. Хотя после прилива здесь осталось полно заводей, в которых копошилось огромное количество маленьких зеленых крабов, так что Дэнни будет чем заняться.

Мы прошли к пляжному кафе и расположились в небольшом, окруженном каменной стеной саду под красно-белым полосатым тентом. По-матерински заботливая женщина в белом фартуке принесла нам две пинты светлого пива и рожок мороженого для Дэнни.

– В это время года у нас полное затишье, – сказала она. – Приятно видеть новые лица.

– Думаю, в этом году все туристы организованно уехали на Корфу^[6], – ответил я ей. – Не беспокойтесь, на следующий год они вернуться, когда поймут, какое это сомнительное удовольствие. Сувлаки^[7] с чипсами и целое море текилы.

– Надолго вы здесь остановились? – спросила она.

– На все лето, – ответил я. – Я делаю ремонт в Фортифут-хаусе.

– В Фортифут-хаусе? Неужели? А разве Тарранты не думают возвращаться?

– Нет-нет. Они продают дом.

– Что ж... Значит, пришло время кому-то заселиться туда. Но я не стала бы.

– О, почему же?

Женщина покачала головой. Она напоминала мне бабулю из «Уолтонов»^[8].

– Я даже в их сад не зайду после наступления темноты.

Лиз рассмеялась:

– Надеюсь, вы не верите в призраков?

– Нет, не верю, – ответила женщина. – Но оттуда долетают звуки, там горят огни, и мне это не нравится.

– Какие именно огни и звуки? – не скрывая любопытства, спросил я.

Лиз не могла удержаться от смеха:

– Да вы, я вижу, смеетесь надо мной? – резко ответила женщина.

– Нет, вовсе нет, – заверил я ее. – Я готов извиниться за свою спутницу, она только что приехала из Эссекского университета. Она из числа скептически настроенных интеллектуалов.

– А вы кто? – спросила женщина.

Я не привык, чтобы меня спрашивали вот так в лоб.

– Я... не знаю, я просто разнорабочий. Здесь подшукатурить, там подкрасить. Вот и все.

– А вы уже ночевали в Фортифут-хаусе?

– Да-а-а, – ответил я, заинтересовавшись.

– И не слышали никаких звуков?

– Зависит от того, что вы подразумеваете под звуками. Все старые дома издают звуки.

Женщина покачала головой.

– *Ни один* старый дом в мире не издает таких звуков, как Фортифут-хаус.

– Что ж, – признался я. – *Были* звуки. В основном, на чердаке. Протекший клапан, городские ласточки, белки.

– А царапанье? Вроде того, что издают крысы? Или звуки, которые невозможно объяснить? – Женщина внимательно смотрела на меня сквозь бифокальные очки. Казалось, будто ее глаза плавают в аквариумах для золотых рыбок. Очевидно, она аккуратно пыталась меня спровоцировать.

– Нет, на самом деле, никаких по-настоящему страшных звуков не было. Похоже, мы говорим о разных вещах.

– О, – проговорила женщина. – А огни вы видели?

– Никаких огней. Только звуки.

– Расскажите, на что они были похожи, – настойчиво попросила она.

– Не знаю: звуки, которые издают животные. Крысы там или белки.

Прищурившись, она уставилась на меня сквозь преломляющие линзы очков.

– А вы не слышали, чтобы кто-то плакал или кричал?

Я даже растерялся:

– Конечно, нет, ничего подобного.

– Прекратите! – воскликнула Лиз, притворно ужаснувшись. – Вы меня пугаете!

– Так вы говорите, что не видели никаких огней? – спросила женщина, совершенно не обращая на нее внимания.

Я покачал головой.

– Ну что ж, – сказала она. – Думаю, у вас все впереди.

Она собрала стаканы, и уже готова была вернуться на кухню, когда я окликнул ее:

– Подождите минутку!

– Да? – отозвалась она. Тонкое морщинистое лицо, внимательные глаза.

– Пожалуйста, расскажите мне об этом плаче и криках, – попросил я.

Женщина остановилась. Затем покачала головой:

– Это просто мои причуды.

– *Расскажите*, – настойчиво повторил я.

Но она вновь покачала головой, и я понял, что ждать от нее больше нечего.

– Странно это как-то, да? – произнесла Лиз, обхватив пивную кружку бледными пальцами в серебряных кольцах.

– По-моему, она делает это, чтобы развлекать туристов, – сказал я. – Все любят истории про призраков.

– Но ты же *слышал* звуки?

Я кивнул:

– Да, слышал. Я даже видел кое-что. Белку, наверное. Или крысу. Когда вернусь, посмотрю в справочнике телефон совета острова. Может, пошлют к нам специалиста.

В ярком утреннем свете существо, пронесшееся мимо меня на чердаке, казалось уже не таким и страшным. Да и темно там было, хоть глаз выколи. С тем же успехом я мог коснуться пальто или занавески. А в панике человек каких только ужасов себе не

напридумывает.

И все-таки я так и не понял, что именно увидел в окно часовни. Но у меня возникло подозрение, что это какая-то иллюзия, вызванная усталостью и стрессом. Лиз вышла в сад, а мне показалось, что это мужчина с фотографии. Мой разум просто поторопился с выводами.

Я зашел в кафе, чтобы расплатиться. Женщина сидела за одним из пластмассовых столиков и рассортировывала пяти- и десятипенсовые монеты. Я встал рядом и ждал, когда она закончит. На стене висела ярко раскрашенная гипсовая камбала и вывеска с надписью от руки: «Рыба и чипсы».

– Вы правда видели огни? – спросил я ее.

Она подняла глаза. В левой линзе отражался изогнутый вид набережной.

– Да, правда, – ответила она. – И огни видела, и звуки слышала. Ночью я даже близко к этому дому не подойду.

– Миссис... – начал я.

– Кембл, – представилась она. – Но вы может звать меня Дорис, если хотите. Все меня так зовут. Мое настоящее имя Дороти, но все зовут меня Дорис.

– Хорошо, Дорис. Меня зовут Дэвид.

– Приятно познакомиться, – сказала она, складывая монеты в столбики по фунту.

– Расскажите мне про Фортифут-хаус, – попросил я ее.

Она поджала губы:

– Если вы остановились там, то вам лучше не знать.

– Это же не опасно, правда?

– Зависит от того, что вы называете опасным.

– Дорис, я слышал звуки на чердаке. И видел там какое-то *существо*. Думаю, это была крыса. *Надеюсь*, что крыса. Но есть кое-что еще.

Она почувствовала по голосу, насколько я серьезен, и подняла глаза.

– Этим утром я видел в саду мужчину.

– Да, ну? Какого мужчину? Случайно не мистера Бро? Иногда он приходит чистить пруд от водорослей.

– Как он выглядит?

– Э-э-э... лет шестьдесят пять – семьдесят. Обычно носит мягкую шляпу и шорты цвета хаки.

– Нет, это был не он. Этот был гораздо моложе и одет во все черное, в высоком черном цилиндре. Странно то, что в коридоре висит старая фотография Фортифут-хауса, и мужчина на ней выглядит почти так же, как тот, которого я видел сегодня.

– Молодой мистер Биллингс, – с уверенностью сказала женщина.

– Вы его знаете? – удивленно спросил я.

– И да и нет. Я знаю о нем. Но никогда с ним не встречалась. Нельзя знать кого-то, кто умер задолго до твоего рождения. Но это точно был молодой мистер Биллингс.

В этот момент в кафе вошла Лиз. В лучах света она казалась еще меньше и живее, чем была.

– Дэнни говорит, что хочет пить, – сообщила она.

– Мы уже уходим домой. Когда вернемся, он получит стакан апельсинового сока.

– У тебя такой вид, будто ты что-то потерял, – сказала Лиз.

– Возможно, рассудок. Дорис считает, что мужчина, которого я видел в саду сегодня утром, это некто Биллингс, умерший еще до ее рождения.

– Что-о-о? – усмехнулась Лиз и повернулась к Дорис: – Кажется, вы говорили, что не верите в призраков.

– Это был не мистер Бро, – резко возразила Дорис.

– Мистер Бро занимается чисткой пруда, – пояснил я.

– Это был молодой мистер Биллингс, – повторила Дорис. Она встала, взяла поднос с солонками и перечницами и принялась с шумом расставлять их на столах. – Есть старый мистер Биллингс и молодой мистер Биллингс. Вы видели второго.

– Но кто они такие? Или, точнее, кем они были?

Дорис со стуком поставила последние графинчики с маслом и принялась греметь пластиковой корзиной со столовыми приборами из нержавеющей стали.

– Старый мистер Биллингс основал Фортифут-хаус, а после его смерти дом унаследовал молодой мистер Биллингс. Моя мать постоянно рассказывала мне об этом. Она раньше прибиралась в этом доме. Конечно, это было уже через много лет после того, как умер молодой мистер Биллингс. Но в те времена было еще много людей, знавших, что произошло. Не так давно в газете появилась статья о Фортифут-хаусе. Старый мистер Биллингс и молодой мистер Биллингс. Но именно с молодого начались все неприятности.

– Какие неприятности? – поинтересовался я.

Тут вошел Дэнни и спросил:

– Папа... можно мне пойти на пляж?

– Сперва доешь мороженое. И сними носки. Не знаю, зачем ты вообще их носишь.

– Мама сказала, что я должен их носить, чтобы ноги не пахли. А если я ношу одни сандалии, ноги начинают пахнуть.

– Хорошо, – вздохнул я. – Но сними их, перед тем как пойдешь к морю, ладно?

Дорис встала рядом с нашим столиком. Когда она говорила, то постоянно крутила туда-сюда обручальное кольцо, словно это были четки, а она читала молитвы. Подул теплый ветер, и с пляжа потянуло водорослями. Солнце отражалось в заводях, словно это были горшки с кусочками зеркала.

– Старый мистер Биллингс заработал состояние на сахаре. Он был другом доктора Барнардо в те времена, когда тот еще работал в лондонском госпитале. Когда доктор открыл свои первые пансионаты для беспризорных мальчиков, старому мистеру Биллингсу эта идея настолько понравилась, что он построил Фортифут-хаус. Это был детский приют – бедные дети из лондонского Ист-Энда могли приезжать сюда и жить на берегу моря.

– Мне кажется, я что-то об этом слышал, – сказал я ей. – Сперва он назывался Дом Биллингсов?

Дорис кивнула:

– Верно. У него была хорошая репутация. Даже королева Виктория приезжала с визитом. Но два или три года спустя мистер Биллингс умер. Или его убили. Никто толком не знает. Говорят, с ним случилось что-то очень страшное. Приют унаследовал молодой мистер Биллингс, и с тех пор все изменилось. Стали появляться какие-то странные люди. А у одного из посетителей лицо якобы было покрыто бурыми наростами, так что на него невозможно было смотреть. Так рассказывала моя мать. Когда я была маленькой, она пугала меня своими историями до полусмерти!

А потом – не помню, какой год это был, – все сироты умерли. За две или три недели – никто так и не понял, от чего. Говорили, что однажды ночью люди видели в доме странные огни и слышали всякие звуки. А еще чьи-то громкие крики на непонятном языке. И якобы на

следующее утро молодой мистер Биллингс был обнаружен совершенно невменяемым. Он полностью утратил рассудок. Говорил, что побывал в другом мире и видел такие ужасы, каких не доводилось видеть ни одному человеку. Состояние его все ухудшалось. Спустя три года его поместили в ньюпортскую психлечебницу, но он повесился в палате. Таким был его конец. Однако с тех пор все, кто жил в Фортифут-хаусе, жаловались на звуки и огни. Я сама видела их и знаю, почему Тарранты съехали.

Я искоса посмотрел на Лиз. С каждой минутой эта история все больше напоминала «Поэму о старом моряке». Хорошая байка для туристов. Для летнего вечера, когда тени начинают удлиняться. Но во мне крепла уверенность, что если в Фортифут-хаусе и есть что-то странное, то это его особенная атмосфера, сильное ощущение его связи с прошлым, его запущенность. Ничего общего с призраками, огнями или «ужасами, каких не доводилось видеть ни одному человеку».

Я дал Дорис банкноту в пять фунтов и сказал, что сдачу она может оставить себе.

Но когда мы вышли из кафе, она подошла к двери, ведущей в сад, и произнесла:

– Смотрите в оба. И будьте осторожны. А если увидите яркий свет, бегите оттуда со всех ног. Я бы так поступила на вашем месте.

– Спасибо за совет, – сказал я и взял Лиз за руку.

Мы поднялись по крутой дорожке обратно к воротам. Наступила утренняя жара, в воздухе пахло свежей смолой и крапивой. Мы прошли между деревьями, пересекли мостик и вернулись в сад. В дрожащем мареве дом выглядел еще более странно. Как будто это была всего лишь ярко подсвеченная картина.

Когда мы шли по саду, Лиз остановилась и прищурила глаза от солнца.

– Ты пускаешь квартирантов? – спросила она.

– Не знаю. Не знаю, можно ли мне.

– Нет-нет. Я не себя имела в виду. Просто я видела, как кто-то выглядывал из окна наверху.

Я тоже остановился и прищурился. Но насколько мог видеть, все окна были черными и пустыми.

– Какое окно? – спросил я.

– Вон то, прямо под крышей.

– И как выглядел этот кто-то?

– Не знаю. Просто бледное лицо.

– Бледное?

– Да, бледное. Даже очень. Возможно, это просто отражение.

Она огляделась.

– Возможно, это была чайка.

Мы подошли к дому. Лиз протянула мне руку и сказала:

– Что ж, спасибо за пиво и интересное знакомство. Я лучше пойду, пока кто-то другой не заселился в мастерскую.

Я вытер пот со лба тыльной стороной руки.

– Думаю, ты можешь остаться здесь.

Она покачала головой:

– У тебя и без меня проблем хватает. Зачем тебе еще и мои?

– Ну не знаю. Думаю, я был бы рад компании.

Лиз пожалала плечами.

– На самом деле, я не ищу отношений. По крайней мере сейчас.

– Конечно. Я тоже. Никаких обязательств. Только ты, я, Дэнни и молодой мистер Биллингс.

– О нет! – Лиз поежилась. Но потом улыбнулась: – Хорошо, я согласна. Только никаких обязательств. Хотя я могу готовить. Если будешь покупать продукты, я буду не против. Ты должен попробовать мой чили.

– Меня ждут перемены. С тех пор как мы с Джени расстались, я жил на одном индийском фастфуде. Даже лучшие друзья говорили, что от меня постоянно несет бирьяни^[9].

Дэнни вышел из дома, яростно крутя в воздухе венчиком для взбивания яиц. Это была либо двухвинтовая моторная лодка, либо двухствольный пистолет «Гатлинг».

– Дэнни, – спросил я его, – что скажешь, если Лиз останется с нами? Не возражаешь?

Дэнни замер. Задумался, а затем сказал:

– Хорошо, – и убежал прочь.

Я взял Лиз под локоть и повел ее в дом:

– Давай найдем тебе комнату.

Мы поднялись по лестнице и прошли по коридору. В доме было семь пустых спален, но лишь в трех из них стояли кровати, и только две с матрасами. Попрыгав на них по очереди, Лиз выбрала комнату напротив моей. Другой мебели там не было, кроме дешевой лакированной тумбочки и потрепанного кресла «Паркер Нолл». Но Лиз, похоже, это не смутило. Думаю, это было лучше, чем заброшенная мастерская.

– Мы приберем здесь, покрасим и найдем какие-нибудь занавески, – сказал я. – Видишь, у тебя отсюда прекрасный вид на площадку перед домом и подъездную дорожку.

Лиз бросила свой мешок на кровать:

– Здорово. Повешу на стену плакаты.

Мы вместе вышли в коридор.

– Не нужно было этого делать, – бросила она мне через плечо. – Если я надоем, не молчи. Просто скажи «пока», «на выход» или «проваливай». Я не стану возражать.

Она начала спускаться по лестнице впереди меня, продолжая что-то говорить. Тем временем, проходя мимо маленькой чердачной двери, я отчетливо услышал царапанье. Как будто какой-то крупный зверь прижался к двери с другой стороны, но потом (услышав наше приближение) осторожно поспешил вверх по лестнице. В кромешную тьму. Где стал ждать. И слушать.

На верхней ступеньке я замешкался, держась рукой за стойку перил. Звук был настолько иррациональным и омерзительным, что меня начал бить озноб. Он напомнил мне о крысах, с которыми я сталкивался в ислингтонской канализации. Только это существо было крупнее и, если такое возможно, *грязнее*.

Лиз остановилась на угловой ступеньке и посмотрела на меня снизу вверх.

– Что-то не так? – спросила она. – У тебя такой мрачный вид.

– Думаю, мне нужно еще выпить, – сказал я и последовал за ней на кухню.

4. Крысолов

Перед обедом Лиз и Дэнни пошли по магазинам, чтобы купить хлеба, ветчины и помидоров. Когда они ушли, я сел в огромной пустой гостиной посреди пыльных солнечных лучей и принялся звонить в совет острова Уайт.

– У меня здесь крыса. Возможно, белка. Хотя, судя по звукам, больше похоже на крысу.

– Что ж... Извините, но мы больше не занимаемся грызунами. По причине сокращений. Вам придется обратиться к частникам.

– Можете кого-нибудь порекомендовать?

– В районе Бончерча? Попробуйте обратиться к Гарри Мартину. Он живет в Шанклин-Олд-Вилидж, это недалеко.

– У вас случайно нет его номера телефона?

– Нет... не думаю, что у него вообще есть телефон, если честно.

Лиз приготовила для пикника бутерброды с сыром чеддер и ветчиной, которые мы съели на лужайке, под раскаленным, подернутым дымкой небом. Лиз разговаривала больше всех. Она была открытой, непосредственной и искренне веселой. Хотела работать в органах местного самоуправления. К числу марксистов-ленинистов не относилась, но и второй Маргарет Тэтчер не была. Она верила, что сможет как-то изменить мир.

– Я уверена, что смогу добиться перемен, – с энтузиазмом заявила она.

«Конечно, сможешь», – подумал я. Может, и цинично, но доброжелательно. Все в твоём возрасте думают, что смогут оставить свой след.

– Просто хочу быть гением, вот и все, – сказала Лиз. – Знаменитым гением. Хочу появляться на телевидении и с фальшивым немецким акцентом обсуждать состояние общества.

– И каково же состояние общества?

Она легла на старую коричневую занавеску, которую я принес вместо одеяла для пикника. И отхлебнула прохладное «Фраскати»^[10] прямо из бутылки.

– Состояние общества таково, что мужчины относятся к женщинам как к богиням, пока не заполучают их. Затем они начинают эксплуатировать их, мучить, избивать и оскорблять. И чем больше они их эксплуатируют, мучают, избивают и оскорбляют, тем больше женщинам это нравится.

– А тебе нравится? – спросил я.

– Нет. Категорически нет. Но с другой стороны, меня никто и не заполучал.

– Знаешь, не все мужчины – невоспитанные хамы, избивающие своих жен.

– Все достойные – именно такие. И в этом есть страшная ирония.

Я сел и стал наблюдать, как Дэнни играет возле пруда.

– Осторожно, Дэнни! Там глубже, чем кажется на первый взгляд!

– Ты ведь обожаешь его, правда? – спросила меня Лиз, прищулив один глаз от солнца.

– Конечно.

– Но ты не любишь его мать.

– В некотором смысле еще люблю. Но что толку? Она живет в Дареме с каким-то бородатым типом по имени Рэймонд.

Лиз кивнула.

– Понимаю, о чем ты. Я знала одного парня по имени Рэймонд. Никчемный тип. В

школе он отдавал все свои обеденные деньги в «Лигу сострадания»^[11], а потом ходил и кланчил у других детей бутерброды. Себя он считал святым.

– Может, он и *был* святым.

Лиз рассмеялась:

– Тоже мне святой. После окончания школы его поймали на крыше склада в Южном Кройдоне, когда он пытался украсть телевизоры.

Я доел бутерброд, взял бутылку вина и сделал большой глоток.

– Сегодня мне нужно будет сходить в Шанклин-Вилидж, поговорить с крысоловом. Или «спецом по грызунам», как их сейчас называют.

– Можно мне с тобой?

– Будет лучше, если ты присмотришь за Дэнни. Ты же не будешь возражать?

Лиз улыбнулась и покачала головой:

– С удовольствием. Он очень милый. Спросил меня, люблю ли я тебя. Думаю, мы поладим.

– У тебя есть младшие братья или сестры?

Ее улыбка померкла, и она откинула волосы назад.

– У меня был младший брат, которого звали Марти. Но он погиб при пожаре. Знаете, были такие старые парафиновые печки. Она опрокинулась, и он сгорел. Ему было всего четыре года. Мама и папа чуть с ума не сошли.

– Мне очень жаль, – сказал я как можно мягче.

Лиз скривила лицо:

– Уже ничто не поможет.

– Что ты думаешь о рассказе Дорис? – спросил я.

– О старом мистере Биллингсе и молодом мистере Биллингсе? По-моему, замечательная история. Но про пустые дома постоянно рассказывают такие истории. На нашей улице был один такой дом. Назывался «Лавры». Жившая в нем старуха умерла от рака. И все дети считали, что можно по-прежнему увидеть ее лицо в одном из окон на верхнем этаже. Очень бледное, с белыми волосами. И при этом она кричала на детей, чтобы те убралась из ее сада, как делала при жизни. Только через стекло ее не было слышно. И мы, глупыши, очень боялись.

– Сегодня утром я кое-кого видел, – сказал я. – Я смотрел через окно вон той часовни и увидел, как кто-то стоит примерно здесь, на лужайке.

Лиз закрыла глаза:

– Брось, Дэвид, это мог быть кто угодно.

Было приятно услышать, как кто-то произносит твое имя. Это единственная роскошь, по которой действительно скучаешь, когда ты один.

Дэнни всегда называл меня папой. И это тоже было приятно. Но не настолько, как когда Лиз назвала меня Дэвидом.

– Я лучше пойду, – сказал я ей. – Спасибо за бутерброды.

Она легла на старую занавеску и посмотрела на меня с прищуром.

– Пожалуйста, *месье*. Чего изволите на ужин?

– Как насчет чили, про который ты говорила?

– Хорошо. Можешь купить мне баночку фасоли, немного тмина и молотого красного перца?

– Что-нибудь еще? Чуток мяса, пожалуй, не помешает?

Она рассмеялась. Оглядываясь назад, я думаю, что именно в тот момент начали слабеть мои чувства к Джени. Я понял, что в мире существуют и другие женщины. Необязательно Лиз, но другие, которые могли смеяться и быть привлекательными. А возможно, и позаботиться о Дэнни.

– Фарш, – сказала она. – Не очень жирный.

Я оставил ее одну и направился через сад к дому. И тут заметил в одном из окон верхнего этажа бледную фигуру. Она наблюдала за мной.

Я не смог заставить себя поднять голову и прямо посмотреть на нее. Чего требовал Фортифут-хаус, так это здоровой доли скептицизма – неприятие нормальными и здравомыслящими людьми того факта, что мужчины во фраках и цилиндрах могут расхаживать спустя сотни лет после своей смерти. Неприятие того факта, что волосатые, хихикающие твари могут носиться по чердакам. А из окон могут выглядывать бледные лица.

По моим ощущениям, Фортифут-хаус был всего лишь клубком сожалений, воспоминаний и галлюцинаций. Возможно, не самое подходящее место для меня, учитывая наш разрыв с Джени и мою крайне нестабильную натуру. Но это не значит, что в доме обитало зло или призраки. Я не верил в «зло». Не верил в призраков. Я видел, как гроб с моим отцом исчез за плюшевыми красными занавесками вортингского крематория под звуки «Старого креста»^[12]. И хотя я *молился* Богу, чтобы тот воскресил отца, больше я его не видел. Я не столкнулся с ним в брайтонской библиотеке, не видел его на пляже, выгуливающим своего бультерьера, как он обычно делал. *Quod erat demonstrandum*^[13], по крайней мере для меня.

Но, когда я поднимался по ступеням террасы (под жарким полуденным солнцем) и снова посмотрел наверх, бледноликое существо по-прежнему оставалось там. Что бы это ни было – отражение, занавеска, уголок зеркала или черт знает что еще.

Я вошел в дом, взял бумажник и ключи. Но чувствовал себя незванным гостем. Почти грабителем. Мои шаги звучали неестественно громко и нерешительно. *Фортифут-хаус принадлежал кому-то другому. Не мне и не Дэнни. И даже не Таррантам.*

Я огляделся, вдыхая пыль, сырость и запах плесени из подвала.

– Эй! – крикнул я. Затем, еще громче: – Эй!

Никто не ответил. И я прочитал маленькую молитву, которой научила меня настоятельница из воскресной школы, мисс Харпоул, с хвостиком, как у Олив Ойл^[14], и в солнцезащитных очках.

Господи, от клыков меня спаси
тех тварей, что лезут из-под земли.
Господи, во сне меня храни
от страшных рыб из глубины...

Там было еще что-то, но я не мог вспомнить. Или не хотел. Честно говоря, в детстве эта молитва до смерти пугала меня. В пятилетнем возрасте мне хватало и обычных детских кошмаров, без рассказней бледной тощей тетки в очках про чудовищ, прячущихся под кроватью, готовых разорвать меня на куски.

Я вышел из дома, не закрыв за собой входную дверь. Я был уверен, что услышал пронзительный скрип стекла, донесшийся из какого-то окна верхнего этажа. Но направился

прямоком к машине не оглядываясь назад и завел двигатель. Мой одиннадцатилетний, потускневшего бронзового цвета «Ауди» издал похожий на лошадиное ржание звук. Прежде чем сняться с ручника, я бросил взгляд на дом. Боже всемогущий, каких усилий мне это стоило! Но я увидел лишь темные окна и крышу со странными углами. Немного подождал. А затем шумно газанул и направил машину вверх по крутой гравийной дорожке.

Катя по узким, тенистым улочкам, ведущим в Шанклин-Вилидж, я включил радио. Кэт Стивенс пел «За мной следовала лунная тень». И я стал подпевать: «Лунная тень... лунная тень!»

Солнце моргнуло и замерцало яркими вспышками сквозь листья деревьев.

Крысолов жил в маленьком ослепительно-белом доме на краю Шанклин-Олд-Вилидж. Его сад пестрел красно-желтыми хризантемами, геранью, был густо заселен бетонными, покрытыми коричневым лаком белками с глазами из янтарного стекла. Населяли его также бетонные садовые гномы, кошки, миниатюрная мельница, колодец желаний, замок и бетонный спаниель.

Жена крысолова сидела на крыльце в шезлонге и вязала что-то коричневое и бесформенное. Полная женщина в розовых пластиковых бигуди и ситцевом платье с корабельными якорями. На плитке возле шезлонга стояла пустая чайная чашка и тарелка с диетическим печеньем. Я остановился за воротами. Сад был таким маленьким, что я мог наклониться и выхватить пряжу у женщины из рук.

– Вы к нам? – удивленно спросила она, словно не заметив, как я появился.

– Я ищу Гарри Мартина.

– Да ну? И кто его спрашивает?

– В совете сказали, что он все еще ловит крыс.

– Разве? Гарри уже на пенсии.

– Он дома?

– Он сейчас спит.

– Прошу прощения?

– Прилег вздремнуть. Ему шестьдесят семь. И ему нужен короткий дневной сон.

– А, ну да, конечно. Я тогда заеду позже?

Внезапно в дверном проеме появился широкогрудый, седовласый мужчина в рубашке, заправленной в широкие коричневые штаны. У него было испещренное лопнувшими венами лицо и сплюснутый нос.

Гарри Мартин, собственной персоной.

– Слышал, вы меня спрашивали, – произнес он. – Окно моей спальни выходит прямо сюда.

– Извините, – сказал я. – Я не хотел вас потревожить.

Он открыл ворота:

– Входите. Это уже неважно.

Миссис Мартин отодвинулась в сторону, и ее муж провел меня в гостиную. Комнатка была крошечная. Тисненные обои и обшитые гобеленом кресла, сервант, уставленный латунными фаями и фарфоровыми балеринами. Одну стену занимал огромный телевизор. Под столиком 60-х годов, на котором он стоял, громоздились стопки старых номеров «Тиви Таймс».

– Присаживайтесь, – сказал Гарри, и я последовал его приглашению.

– У меня проблема с крысами, – объяснил я. – Точнее, с крысой. Хотя и очень крупной.

– Хмм, – произнес он. – Полагаю, это вас совет острова ко мне направил?

– Верно.

– Они не берут меня на полный рабочий день. Не могут себе этого позволить. Все из-за этого подушного налога. Я сказал им, что не буду больше заниматься ловлей крыс, но они все равно продолжают направлять ко мне людей. Сейчас я занимаюсь садоводством – более стабильное занятие.

– Я могу заплатить вам.

– Двенадцать фунтов пятьдесят пенсов. Столько я беру. Плюс любые строительные расходы. Например, замена треснувшей канализационной трубы или заделка дыр.

– Звучит разумно.

Гарри Мартин взял табакерку со стола возле кресла, открыл ее и принялся сворачивать себе сигарету, даже не глядя, что он делает.

– Так где, говорите, эта ваша крыса?

– На чердаке.

– Да, но *где* именно? На каком чердаке?

– О, простите. Фортифут-хаус.

Гарри Мартин чиркнул спичкой, чтобы зажечь самокрутку, но, когда я произнес Фортифут-хаус, остановился и уставился на меня с горячей спичкой в руке. Незажженная сигарета повисла у него между губ.

И, лишь когда я сказал: «Осторожно!» – он моргнул, опомнился, помахал спичкой и открыл коробок, чтобы достать новую.

– Я остановился в Фортифут-хаусе на лето, – объяснил я. – Мистер и миссис Таррант хотят его продать, и я занимаюсь ремонтом.

– Понимаю, – сказал Гарри Мартин. – Я слышал, что они хотели его продать. Лучше снести эту хреновину к чертям, если хотите знать мое мнение.

– Что ж... не скажу, что не согласен с вами. Но пока мне нужно расчистить его и декорировать. А первым делом я хочу избавиться от этой крысы.

Гарри Мартин зажег сигарету и выдохнул крепкий, ароматный дым:

– Так вы видели ее, эту крысу?

Я покачал головой:

– Лишь мельком. Похоже, довольно большая.

– Большая, – заверил он меня.

– Так вы про нее знаете?

– Конечно. Все в Бончерче и Олд-Шанклине знают про нее. Все, кроме вновь прибывших, разумеется.

Я был поражен:

– Все *знают* про нее?

– Знают, но не говорят, вот и все.

– Почему не говорят?

– Потому что, если будешь говорить о ней, придется о ней думать. А они не хотят думать о ней.

– Как давно она там? – недоуменно спросил я.

Гарри Мартин пожал плечами:

– Сколько себя помню.

– И сколько же?

– Эта крыса была там, еще когда я был мальчишкой. А мне уже шестьдесят семь. Как у вас с «рифметикой»?

У меня закралось подозрение, что Гарри Мартин разыгрывает меня. С этими старыми деревенскими чудаками нужно быть настороже. Они любят всех дурачить. Их рассказы с каждым поворотом сюжета становятся все абсурднее и абсурднее, пока по их озорному взгляду вы вдруг не понимаете, что вас водят за нос.

– Крысы обычно не живут так долго, не так ли? Я спускался со своим другом в лондонскую канализацию, и он сказал, что они живут от силы года три-четыре.

– Но Фортифут-хаус – это же не лондонская канализация, правда? – парировал Гарри Мартин. – И эта крыса не похожа на других крыс. На самом деле, многие говорят, что это вовсе не крыса.

В этой обычной, заставленной мебелью гостиной слова Гарри Мартина прозвучали особенно тревожно. Солнечный свет падал на телевизор и освещал корабельный штурвал с копией аквариума в центре. Пчелы с гудением сновали туда-сюда через открытые окна. *Это вовсе не крыса?* Что он имел в виду? Может, он так пошутил. Но его испещренное глубокими морщинами лицо хранило абсолютную серьезность. И если это была шутка, я не понимал ее смысла.

– Раз это не крыса, тогда что?

Гарри Мартин покачал головой:

– Не знаю. Никогда не знал. И не интересовался.

– Раньше Тарранты не просили вас избавиться от нее?

– Тарранты никогда не жили здесь подолгу. Они купили этот дом за бесценок, потому что он очень давно пустовал. И у них была на него куча планов. Бассейн, пристройки и все такое. Они пережили несколько нехороших ночей и после этого бывали здесь нечасто. А потом выдалась *действительно* плохая ночь, и больше они здесь не появлялись.

– Что значит «действительно плохая ночь»?

Гарри Мартин выпустил тонкую струйку дыма. По выражению его лица сложно было понять, о чем он думает.

– Огни и звуки. Яркие огни, как они сказали. И звуки, ни на что не похожие. А еще голоса, необычно громкие голоса.

Я откинулся на спинку.

– Кое-кто еще рассказывал мне об этом. Женщина по имени Дорис, из пляжного кафе.

– Да. Старая бедная Дорис. Она была Белчер, до того как вышла замуж за Рэндалла.

– Боюсь, мне это ни о чем не говорит.

– Говорило бы, если б вы родились и выросли в Бончерче. Белчеры были очень странными. Мистер Белчер, отец Дорис, был учителем местной школы. А Джордж Белчер, брат Дорис, заработал кучу денег, запатентовав какой-то лак для лодок. Но он всегда был странным. Говорил, что он видел ту крысу посреди бела дня. Но ему, конечно, никто не верил.

– Он живет где-то здесь?

– Джордж? Нет, уже нет. Таблетки и виски доконали его. Таблетки и виски.

В дом с крыльца вошла миссис Мартин и спросила, не хотим ли мы чаю. Гарри ответил согласием, даже не спросив меня. Миссис Мартин принесла поднос с печеньем и кексом и две чашки крепкого, уже подслащенного чая.

– Так что посоветуете мне сделать с этой крысой? – спросил я Гарри Мартина. – Всегда

думал, что это крыса. И пусть даже это что-то другое.

Тот задумчиво надул щеки.

– Полагаю, вам удалось уговорить меня взглянуть на нее.

Однако из кухни почти сразу же появилась миссис Мартин и резко прервала его:

– Ты на пенсии. И занимаешься сейчас садоводством. Мне уже надоело, что совет продолжает просить тебя ловить крыс.

Гарри Мартин многозначительно посмотрел на меня поверх своей чашки.

– Думаю, ты права, – ответил он.

– Конечно, права, – заявила его жена. – Тебе шестьдесят семь. Не хочу, чтобы ты лазил по чердакам и искал крыс. И все тут.

– Да, думаю, ты права, – повторил Гарри Мартин и одарил меня еще более многозначительным взглядом.

Я допил чай. На дне чашки остался слой сахара.

– В таком случае я, наверное, лучше пойду, – сказал я. – Может, вызову какого-нибудь крысолова из Портсмута.

– Попробуйте обратиться в «Рентокил» в Райде, – предложила миссис Мартин.

– Хорошо, спасибо, – ответил я. – И благодарю за кекс.

– Сама пекла, – сказала она, провожая меня до крыльца.

Гарри Мартин остался сидеть в своем кресле, но поднял руку и сказал:

– Пока.

В саду миссис Мартин неожиданно схватила меня за рукав.

– Послушайте, – сказала она. – Я не хочу, чтобы Гарри ловил ту тварь, вот все, что я собиралась сказать.

– Хорошо-хорошо, я понял, – заверил я ее.

– Эта тварь хочет, чтобы ее оставили в покое, и больше ничего, – произнесла она. Из-за потекшего от жары макияжа лицо у нее казалось глянцевым, как у пластиковой куклы. Зрачки были крошечными.

– Мне нужно избавиться от нее каким-то образом, – сказал я. – Я должен отремонтировать дом, декорировать и подготовить его к продаже.

Миссис Мартин вцепилась в мой рукав еще сильнее:

– Вы можете отремонтировать дом сегодня, но не вчера.

– Извините, не понял.

– Что ж, если бы вы жили там достаточно давно, то поняли бы. Этот дом не всегда существует здесь и сейчас. Он есть и в прошлом и в будущем. Его вообще нельзя было строить, но раз он построен, уже никто ничего не сможет сделать. И вы ничего не сможете сделать. И Гарри тоже. Он испытывает определенный интерес к этому дому, очень личный. Только не спрашивайте меня об этом. Но не просите его ловить ту тварь и не позволяйте ему.

– Хорошо, обещаю. Больше не буду просить.

– Как насчет еще чайку, Вера? – крикнул из гостиной Гарри.

– Успокойся! – крикнула в ответ миссис Мартин и снова повернулась ко мне: – Перекреститесь и поклянитесь.

– Обещаю. Я просто хочу понять, что это за тварь.

– Думаю, это крыса.

– Крыса, которой уже шестьдесят лет?

– Бывают же ошибки природы? Трехногие собаки, черепахи, живущие двести лет.

– Вы знаете, что это? – спросил я ее.

Глаза у нее дрогнули. Она отпустила мой рукав и вытерла руки о свой цветочный фартук.

– Вы ведь знаете, что это такое, да? – надавил я.

– Не совсем. Я знаю ее имя.

– У нее есть имя?

Она выглядела смущенной.

– Я узнала о ней, когда еще была маленькой девочкой. Мама рассказывала мне на ночь страшные истории про нее. Говорила, что, если я буду брать чужое или обманывать, эта тварь придет ночью и унесет туда, где нет времени. И что она проделает со мной ужасные вещи.

– Ваша мать называла имя этой твари?

– Все знали ее имя. Даже моя бабушка знала. Оно было известно всем. Поэтому никто из нас не играл возле Фортифут-хауса. Можете спросить кого угодно в Бончерче, даже сегодня.

– Так как ее звали?

Миссис Мартин уставилась на меня:

– О нет, спасибо, я не хочу говорить об этом.

– Но вы же не настолько суеверны? – подтрунивая, спросил я.

– Да, я не суеверная. Если хотите, я могу не моргнув глазом пройти хоть под двадцатью стремянками, просыпать сколько угодно соли и целый день бить зеркала^[15]. Но я не хочу произносить имя этой твари, если вы не против.

Но тут на крыльце появился Гарри Мартин, закуривая очередную самокрутку.

– Тварь зовут Бурый Дженкин, – сказал он.

Миссис Мартин уставилась на меня в каком-то диком отчаянии. Она продолжала слегка качать головой, словно беззвучно умоляла меня не слушать, не повторять сказанное мужем.

– Бурый Дженкин, – повторил Гарри Мартин, как будто ему было приятно произносить вслух запретные слова.

Миссис Мартин зажала рот руками. Солнце зашло за большую тучу, и в саду внезапно потемнело.

5. Ночь огней

В тот вечер Лиз приготовила свой знаменитый чили. Дэнни он не очень понравился. На его вкус, в чили было слишком много перца. А фасоль показалась ему «отвратительной», и он сгреб ее к краю тарелки, словно сливовые косточки. *Жестящик, портной, солдат, моряк, богач, бедняк, нищий и вор*^[16].

Что касается меня, то это было лучшее, что я ел за последние месяцы, и не только потому, что мне не пришлось самому готовить. Мы ели в гостиной, держа тарелки на коленях, и смотрели по телевизору «Мост через реку Квай»^[17].

– Что сказал крысолов? – поинтересовалась Лиз. Голову она повязала красным шарфом, а ее просторное ситцевое платье больше напоминало восточный халат. Из-под потрепанного подола выглядывали голые ступни с накрашенными ногтями.

– Если честно, он меня озадачил. Сказал, что *знает* эту крысу. На самом деле, все в деревне знают ее. Сказал, что она живет здесь сколько он себя помнит.

– Но крысы ведь не живут так долго?

Я пожал плечами:

– Нет, насколько я знаю. В любом случае, он сказал, что уже на пенсии, и ему неинтересно.

Больше я ничего не стал говорить – не хотел пугать Дэнни разговорами о ярких огнях, чудовищных голосах и тварях, которые могут забрать тебя туда, где даже нет времени.

Лиз подошла и забрала у меня тарелку.

– Хочешь еще вина?

– Однозначно.

Мы прошли на кухню, оставив Дэнни смотреть, как Алек Гиннесс выбирается из конуры, куда его заперли японцы.

Лиз соскребла остатки еды в мусорную корзину и налила нам обоим по бокалу «Пиа д’Ор».

– Было очень вкусно, спасибо.

– Кажется, Дэнни так не думает.

– Дэнни целиком и полностью верен спагетти с соусом «Хайнц».

– Странно как-то все с этой крысой. Что ты теперь будешь делать?

– Позвоню в «Рентокил» в Райде. Завтра днем кого-нибудь пришлют. Но я услышал много странного. Жена крысолова сказала, что эту крысу так хорошо знают в Бончерче, что у нее даже есть имя. Но она явно боится. Ни за что не хотела назвать его. В конце концов, мне сказал крысолов.

Лиз помыла тарелки, протерла и убрала.

– И? – спросила она.

– Что «и»?

– Как зовут крысу?

– Бурый кто-то там. Бурый Джонсон, или что-то вроде.

Лиз нахмурилась.

– Странно. Уверена, раньше я что-то такое слышала.

– У меня есть куча знакомых Джонсонов. И Браунов^[18], если на то пошло.

Допив вино, мы сели и стали вместе смотреть, как Уильям Холден взрывает мост через

реку Квай. Дэнни так умаялся, что мне пришлось отнести его наверх и раздеть. Я смотрел, как он чистит зубы, и увидел свое отражение в черном окне ванной. Я выглядел более худым и угрюмым, чем думал.

– Давай спи, Зако МакВако, – сказал я Дэнни, укладывая его в постель.

– Расскажи мне шотландский стишок, – попросил он.

– Нет, уже слишком поздно. Тебе нужно спать.

– *Пожалуйста*, расскажи мне шотландский стишок.

– Давай же, – протянула с порога Лиз. – Расскажи ему шотландский стишок. Я тоже хочу послушать.

– Он очень глупый. Я сочинил его сам.

Она взяла меня за руку и прислонилась к моему плечу:

– Ну, пожалуйста?

– Хорошо, – сдался я.

Мы любим кок-а-лики^[19], овсянку с кожурой.

И каждое утро в гости идем к себе домой.

Вот встали у порога, стучим, кричим: «Кто там?»

За дверь нет ответа, не открывают нам.

– Вот и все, – смущенно сказал я.

– Нет, не все, – настойчиво возразил Дэнни. – Там есть еще.

Их снова нету дома, их дома нет опять.

Выходит, что шотландцам всегда на все...

– Плевать, – как всегда, добавил Дэнни.

Я, словно извиняясь, посмотрел на Лиз.

Выключив в комнате Дэнни свет, мы спустились вниз. Я открыл еще одну бутылку «Пиа д'Ор». Мы развалились на продавленном коричневом диване и стали слушать мою царапанную пластинку Сметаны «Моя родина»^[20]. Музыка идеально соответствовала моему состоянию. Эмоциональная, волнующая, немного пафосная и нездешняя.

Лиз рассказала мне, что родилась в Бургесс-Хилле, маленьком, несимпатичном городишке в Западном Суссексе. Ее отец управлял строительной компанией, а у матери была маленькая посудная лавка. Шесть лет назад мать влюбилась в элегантного турагента с маленькими подстриженными усиками, гордостью и отрадой которого был новенький «Форд Гранада». Родители со скандалом развелись. Лиз лишь недавно смирилась с тем, что росла в неполной семье.

– Другие студенты рассказывают о папах, мамах, говорят «моя семья». Мне понадобилось два года, чтобы набраться смелости и сказать, что мои родители в разводе. Это было очень непросто, не могу передать, насколько. Хуже всего была слышать, как они называют друг друга всякими ужасными словами.

– У тебя есть парень? – спросил я.

– Раньше был. Но он был слишком правильный для меня. Его смущало, например, когда

я шла по улице, цепляясь за стены или танцуя. В любом случае, я отказалась от секса. Решила быть целомудренной и праведной. Как святая Элизабет.

– Что оттолкнуло тебя от секса?

– Не знаю. Думаю, Роберт. Так звали моего парня. Он всегда превращал секс в какое-то сложное, механистичное занятие, как будто пытался отремонтировать чью-то машину.

Я рассмеялся.

– Наверное, тогда лучше быть целомудренной.

– Ты скучаешь по семье, да? – спросила она.

– И да и нет. Я скучаю по общению. Скучаю по тому, с кем можно поговорить.

– А как насчет авторемонта?

Я поднял свой бокал. Увидел в нем лицо Лиз, преломленное изогнутым стеклом.

– Да, я скучаю по авторемонту.

Ночь была влажной, почти безветренной. Море за деревьями шумело, будто призрачная женщина медленно бродила туда-сюда по полированному мраморному полу в коридоре, волоча за собой подол тафтяного платья. Когда пластинка доиграла, я подошел к окну и услышал крик совы. Я задумался, слышат ли его те семьдесят детей, что лежат на кладбище в известняковых могилах. Вдалеке сверкнула молния. Это была ночь электричества. Ночь высокого напряжения.

– Я пойду спать, если ты не возражаешь, – сказала Лиз.

Я кивнул.

– Конечно, не возражаю. Чувствуй себя как дома. Ложись, когда хочешь, и вставай, когда хочешь. Когда тебе на работу?

– Послезавтра.

Она подошла и положила руку мне на плечо:

– Спасибо, Дэвид. У вас все будет хорошо.

Я поцеловал ее в лоб:

– Я тоже так думаю.

Оставшись один, я сел, допил вино и стал слушать другую сторону пластинки – «Прелюдии» Листа. Но сидеть в одиночестве – это совсем другое дело. Я прошел на кухню, нашел наполовину исписанный блокнот с рекламой семейной мясной лавки Э. Гибсона из Вентнора и начал писать письмо Джени. Рассказал, что у Дэнни все хорошо, у меня тоже и что с нами проведет лето Лиз.

На секунду я задумался, затем вычеркнул фразу про Лиз. Смял письмо и выбросил его в ведро с углем. Не было смысла преждевременно сжигать мосты. В конце концов, я не знал наверняка, насколько у Джени с Рэймондом все серьезно.

Размечтался, – мысленно сказал себе я.

Я продолжал сидеть на кухне перед пустым блокнотом, когда часы в коридоре пробили полночь. Мне нужно было рано вставать, поэтому я запер везде двери и выключил свет. В гостиной хлопало окно – не сильно, поскольку ветра почти не было, – но довольно громко, с равным интервалом. Я подошел закрыть его и увидел, как на горизонте сверкает молния. В воздухе пахло озоном.

Мне показалось, что сверху раздалось тихое царапанье, словно кто-то когтистый сновал под половицами спальни. *Я не хочу произносить имя этой твари, если вы не против.*

Я прислушался, но царапанье прекратилось. Я закрыл окно. В сад не стал смотреть.

Хотя знал, что его там нет – *не могло* там быть, – я не хотел увидеть на газоне человека в черном цилиндре. Его не существует. Это всего лишь оптическая иллюзия, тень от пролетевшей чайки, подхваченный ветром кусок черной бумаги.

Все же я на ощупь пробрался в коридор, куда бледный свет падал сквозь люк над дверью. Не включая освещение и поскрипывая кроссовками, я прошел в самый дальний конец, где, возле двери в подвал, висела фотография «Фортифут-хаус, 1888 год». Мужчина по-прежнему был там, его размытое лицо смотрело на меня из глубины времен. В тот день, когда был сделан снимок, всего в нескольких милях отсюда, в Осборне, жила королева Виктория, Оскар Уайльд только что издал «Счастливого принца», а в Германии впервые поднялся в воздух первый аэростат на бензиновом двигателе.

У меня мелькнула мысль, что это глупо – проверять, там ли еще мужчина в цилиндре. Но я никак не мог отделаться от ощущения, что ему каким-то образом удалось сбежать с фотографии, и теперь он прячется где-то в Фортифут-хаусе или возле него. В своем черном костюме, бледнолицый, сердитый, двухмерный.

Наконец я отвел взгляд от фотографии, и в тот же миг мне почудилось, что мужчина на снимке слегка шевельнулся. Я снова посмотрел на него. Казалось, он стоял в прежнем положении, выражение его лица не изменилось, но одна его нога отодвинулась чуть дальше от края клумбы с розами.

«Ты выпил слишком много вина», – сказал я себе. Из-за стресса и переживаний я начинаю уже сходить с ума. Невозможно, чтобы столетняя фотография шевелилась или менялась. Невозможно, чтобы молодой мистер Биллингс ходил по коридорам или по саду Фортифут-хауса.

Я стал подниматься по лестнице, бледный свет лился мне в спину. На верхней площадке я задержался возле чердачной двери. Щеколда была на месте, ни шорканья, ни царапанья не слышно. Бурый Джонсон (или как там его называли жители Бончерча) либо отсутствовал, либо спал. Я тихонько постучал в чердачную дверь, просто убедиться, что причин бояться нет.

Кто боится большой бурой крысы?

Я заглянул к Дэнни. Он уже крепко спал. Волосы от жары прядями прилипли ко лбу. Как Луис Макнис^[21] описывал спящего сына? Сравнивал его с теплым хлебом. Я поцеловал Дэнни, тот завозился во сне и произнес «мама».

Бедняжка. Твоя мама далеко, с каким-то бородатым типом по имени Рэймонд. И маме ты больше не нужен.

Дверь в комнату Лиз была закрыта. У меня возникло мимолетное желание заглянуть к ней и пожелать спокойной ночи, но я передумал. Она могла неверно меня понять. Я считал ее красивой и сексуальной, мне нравились ее босые ноги и ее запах, но я не хотел отпугнуть ее. Мне нравилась компания, не говоря уже о чили. И меня тревожила мысль, что придется провести лето без нее.

Я разделся, умылся, почистил зубы и, уже совершенно усталый, забрался в постель. И сразу пожалел, что не удосужился как следует расстелить ее. Простынь сбилась в неровные складки, как пляж после отлива. Во всех мыслимых щелях завалились крошки от тоста. Я попытался найти удобное положение, но спустя какое-то время встал и принялся разравнивать постель.

Я все еще поправлял простыню, когда раздался торопливый стук в дверь:

– Дэвид? Это Лиз.

– Подожди, – сказал я. Я прыгнул в кровать и натянул на себя одеяло, чтобы прикрыть наготу. – Ладно... Можешь войти.

Лиз вошла в комнату и быстро закрыла за собой дверь, как будто опасаясь, что ее кто-то преследует. Волосы у нее были все так же подвязаны красным шелковым платком, но кроме платка на ней была лишь короткая белая футболка и крошечные кружевные трусики. Она села на край кровати, но в ее лице читалась скорее тревога, чем сладострастие.

– На чердаке что-то бегают. Я слышала. Должно быть, та крыса.

– Сегодня я ничего не слышал, – соврал я.

– Я уверена, что это крыса, – настойчиво повторила Лиз. – Она носится из одного конца чердака в другой, прямо над моей спальней.

– Сегодня я ничего не смогу с этим сделать. Парень из «Рентокил» придет только завтра.

– Ладно, – сказала она. – Извини, что побеспокоила тебя. Просто я терпеть не могу крыс. У меня от них мурашки.

– У меня тоже. Скажи мне, если услышишь снова. Может, я поднимусь наверх и двину ее кочергой.

Даже не надейся, – сказал я себе. – Особенно после утреннего фиаско. Мне кажется, чем дальше я буду держаться от Бурого Джонсона, тем лучше для меня.

Лиз задержалась возле приоткрытой двери. Затем сказала:

– Послушай... Знаю, что это похоже на флирт, но я действительно очень боюсь крыс. Можно сегодня я посплю здесь, с тобой? Я могу положить между нами подушку.

– Да, конечно.

Я был вовсе не против. Если честно, мне даже очень понравилась эта идея. Я уже несколько месяцев не ложился в постель с девушкой. И скучал не столько по «авторемонту», сколько по общению. На удивление быстро надоедает смеяться в одиночку, читать в одиночку, слушать музыку в одиночку, есть в одиночку. Но хуже всего – спать в одиночку. Это все равно что лежать в гробу, ухмыляться в темноте, поигрывая своим членом, и ждать пришествия Бога.

– Хорошо, – сказал я. – Раз она так тебя пугает.

– Обещаю, что рано утром я уйду, еще до того как проснется Дэнни.

Она снова закрыла дверь, приподняла одеяло и забралась в постель рядом со мной. Я немного отодвинулся в сторону, оставив между нами добрых шесть дюймов, и прижал руки к бокам. Но, тем не менее, было крайне тяжело игнорировать близость, тепло, запах духов и трепетное присутствие хорошенькой юной девушки.

– Когда ты слышала эти звуки? – спросил я.

– Когда ты поднимался по лестнице. Крыса побежала через чердак как будто по диагонали. Судя по звуку, она очень большая и тяжелая, но ночью все звуки кажутся громче, правда?

Я посмотрел на потолок:

– Я тоже думаю, что она очень большая и тяжелая.

– Не надо. Ты меня пугаешь!

Мы лежали плечом к плечу и слушали. Часы в коридоре пробили полпервого, за окном усиливался ночной ветер. Он пробирался в дом, от чего закрытые двери дребезжали в рамках.

– Думаю, нам лучше выключить свет и попробовать немного поспать, – предложил я.

Теперь мы лежали в темноте. В Бончерче не было уличных фонарей, не было ни

фонарей в саду, ни луны на небе, поэтому тьма царила почти полная. Как будто вам на голову надели черный бархатный мешок. Я с тревогой чувствовал, как Лиз прижималась к моему правому плечу. Несмотря на то что она была в футболке, я чувствовал мягкость и тяжесть ее груди. Теперь, когда на ней не было свободного ситцевого платья, скрывавшего фигуру, стало очевидно, что у нее потрясающе большая грудь для ее роста и телосложения. Несмотря на привлекательную внешность, груди у Джени в сравнении с Лиз казались комариными укусами. Поэтому вы наверняка поймете, почему они сразу привлекли мое внимание.

– По-моему, судьба всегда дает нам второй шанс, – заговорила Лиз. – Но иногда мы слепы или слишком заняты, чтобы замечать это. Ты не задумывался, какая это трагедия, когда двое людей, которые могли бы быть счастливы вместе, проходят по улице в дюйме друг от друга, даже не подозревая об этом? Или, когда двое людей, разделенных тысячами миль, едут на встречу друг с другом. А потом один из них вдруг опаздывает на поезд из-за оброненной газеты... и поэтому им уже никогда не суждено будет встретиться.

– Это происходит постоянно. Закон теории вероятностей.

– Тогда как же нам с тобой удалось познакомиться? – спросила Лиз. – Ты мог найти другую работу на лето. Мог продолжить работать у себя в конторе. Мог остаться с Джени. И лишь по воле случая кто-то дал мне адрес этого дома, чтобы я могла здесь поселиться.

– Судьба, – улыбнулся я, хотя Лиз не могла меня видеть. – И еще одно, что заставляет нас идти вперед... тот редкий славный момент, когда жизнь оказывается не такой уж и плохой.

Лиз протянула руку, и кончики ее пальцев коснулись в темноте моей щеки. Словно слепая, она трогала мои глаза, нос и губы.

– Я люблю касаться людей в темноте. На ощупь они немного другие, их пропорции изменяются в зависимости от того, как вы их трогаете. Возможно, они и вправду меняются, точно сказать нельзя. Может, ты превращаешься в странного непропорционального монстра. Кто тебя знает? Если очень быстро включить свет, можно увидеть темное лицо человека – как противоположность его светлому лицу, которое он носит, чтобы убедить нас в том, что он обычный и нормальный.

– Думаешь, я превращусь в монстра? – спросил я.

– Возможно. С другой стороны, в монстра могу превратиться я. Что ты тогда будешь делать?

– Улепетывать сломя голову, оставляя след из горячего поноса.

Она поцеловала меня.

– Давай без гадостей.

Я поцеловал ее в ответ.

– Обещаю не говорить гадостей, если пообещаешь не превращаться в монстра. Я имею в виду, в *любого* монстра.

Лиз снова поцеловала меня, но на этот раз я сказал:

– Нам лучше немного поспать, да? Ты обещала быть святой Элизабет Неприкосновенной. А я обещаю быть святым Давидом Божественным.

– Зависит от того, в *чем* ты божественный.

И все же нам удалось заставить себя принять более-менее удобное положение, закрыть глаза и притвориться спящими почти на три четверти часа. Я слушал скрип дома, завывание ветра в деревьях, шелест морских волн. Слушал, как воздушный поток рыщет по дому, *стучит в окна и двери*. Слушал ровное дыхание Лиз, дыхание человека, тщетно пытавшегося заснуть и почти готового сдаться, спуститься вниз и приготовить себе чашку чая.

– Лиз? – позвал я в конце концов. – Ты не спишь?

Она стянула одеяло с лица.

– У меня в голове вертятся всякие мысли.

– О чем ты думаешь? О чем-то конкретном?

– О... ни о чем особенно. О работе, о колледже. Думаю, смогу ли я накопить денег на машину. Уже устала постоянно просить кого-то подвезти меня.

Мы помолчали. Потом я сказал:

– Я тоже не могу уснуть.

– Может, ты не привык спать с кем-то в одной постели.

– Да. Наверное, ты права.

Я услышал, как Лиз причмокнула в темноте. И произнесла:

– *Можешь* поцеловать меня. Гневный Бог не покарает нас за это.

– Не знаю. Я не хотел бы начинать то, что не смогу закончить.

– Кто говорит, что мы будем что-то начинать? Кто говорит, что мы будем что-то заканчивать?

Я положил руку ей на плечо:

– Знаешь, что Дэнни спросил меня недавно? «Бог создал сам себя?»

– И что ты ему ответил?

– Я сказал, чтобы он не задавал глупых вопросов. А потом понял, что не знаю, создал Бог сам себя или нет. Всю ночь думал об этом.

– Бог существовал до того, как появилось все. Бог существовал всегда.

– Что это за ответ? Это отговорка.

Лиз приподнялась на локте и поцеловала меня в щеку, в губы. Ее язык проник между моих зубов. Я пытался не отвечать на ее ласки, но вкус у нее был такой, какой и должен быть у девушки. Слегка сладкий и слегка соленый. Слюна, духи и вино. Ее тяжелая теплая грудь, прижавшаяся к моей голой руке. Наши губы слились в страстном поединке. Я сжал ее грудь сквозь ткань футболки. Она была огромной по сравнению с грудью Джени. Как у модели из «Пентхауса». Член у меня встал, и я ничего не мог с этим поделать. И Лиз схватила его правой рукой, довольно крепко, как девушка, у которой уже есть некоторый опыт в этом деле. Она принялась гладить его, пока он не налился кровью и не стал скользким от смазки.

Тем временем я просунул руки ей под футболку и нащупал ее тяжелую голую грудь. Указательным и большим пальцами я гладил ей соски, пока они не отвердели.

Она целовала и ласкала меня, еле слышно напевая себе под нос странную песню. Я не различал слов, но она напоминала какой-то скабресный деревенский шлягер. Такие песни поют в пабах Норфолка, подмигивая при этом твоей жене, от чего тебе становится не по себе.

«Угольщик, грязный, старый угольщик, он хранит весь свой уголь в мешке...»

Лиз повернулась и стянула с себя трусики.

– Презерватив, – произнес я приглушенным голосом.

– Я принимаю таблетки.

– И все-таки... нам нужно.

– У меня нет СПИДа.

Прежде чем я успел сказать что-то еще, Лиз оседлала меня. Крепко сжав мой член, она направила его себе между бедер. Какое-то время дразнила меня, скользя по нему половыми губами, но не давая проникнуть внутрь. Затем резко опустилась, так что я вошел в нее на всю глубину. Я закрыл глаза. После нескольких месяцев воздержания и самовнушения это было настоящее блаженство. Не знаю, застонал ли я вслух, но Лиз наклонилась ко мне, поцеловала и сказала:

– Ш-ш-ш, это чудесно.

Она медленно и плавно двигалась вверх-вниз, постепенно возбуждая меня, но не слишком сильно. Казалось, будто прошло несколько часов, прежде чем я почувствовал у себя между ног непреодолимый спазм, подсказавший мне, что долго я не продержусь. Лиз сама стала задыхаться, ее мокрая от пота футболка прилипла к груди. Я схватил ее обнаженные ягодицы обеими руками и стал еще сильнее прижимать к себе.

Но тут раздался тяжелый грохот на чердаке прямо над нашими головами, как будто кто-то уронил кресло.

Лиз села прямо, прислушалась, мой член был по-прежнему внутри нее.

– Что это было? – прошептала она. – Это не может быть крыса.

– Я же говорил, что она очень большая.

– Большая? – Ее голос дрожал от страха. – Да она, наверно, *огромная*.

Мы ждали и прислушивались. И только собирались продолжить, как раздался новый звук – словно что-то метнулось через весь чердак, а потом послышался резкий грохот, как будто на пол упала куча тростей или карнизов для штор.

Лиз слезла с меня. От дуновения холодного воздуха между ног стало прохладно.

– Это не крыса, – сказала она. – Там наверху кто-то есть.

– Брось, – возразил я. – Зачем кому-то понадобилось шуметь на чердаке? Это крыса. А звук такой громкий, потому что это прямо над нами.

– Может, там живет кто-то, а ты просто не знаешь. Однажды я смотрела фильм о таком человеке. Ночью, когда семья спала, он спускался с чердака и ходил по дому. Очень страшное кино.

– Зачем кому-то жить на чердаке в крошечной тьме?

– Не знаю. Может, они заселились до твоего приезда. А теперь прячутся на чердаке и ждут, когда ты уедешь.

Я включил прикроватный светильник:

– Люди, которые прячутся, обычно не производят столько шума.

– Может, они пытаются напугать тебя, – предположила Лиз.

– Я был наверху, – сказал я. – И видел что-то похожее на крысу, но это точно не человек.

– А я думаю, это больше похоже на человека.

Мы подождали еще немного. Я был раздосадован и встревожен одновременно. Мне хотелось уже взять кочергу или крикетную битку и забить этого дурацкого Бурого Джонсона до смерти. Однако я был не уверен в том, что у меня хватит смелости столкнуться с ним лицом к лицу. А что, если это не крыса? Что, если это бродяга или психопат, прячущийся от света или скрывающийся от правосудия? Что, если это не человек, а какое-то другое существо – настолько страшное, что не поддается описанию?

Чем бы оно ни было, оно должно уйти. Однако я был совсем не уверен, что смогу избавиться от него. Если жители Бончерча так много лет знали об этом существе, почему никто не попытался прогнать его? Почему Тарранты не попытались избавиться от него?

Прошло больше пяти минут, но звуков больше не было. Наконец я взял Лиз за руку и сказал:

– Ложись. Нам нужно немного поспать.

– Лучше я пойду к себе в комнату, – сказала она. – Мы же не хотим, чтобы Дэнни застал нас здесь, правда?

– Думаю, Дэнни не стал бы возражать.

– Да, но я бы стала. Я не его мама и не твоя любовница. У нас был просто прерванный перепих, и все.

Я не знал, что сказать. Я надеялся, что мы продолжим начатое. Но Лиз, очевидно, была уже не в настроении. У меня вертелось на языке как минимум пять резких ответов, но вместо этого я прикусил губу. Чем меньше слов, тем больше толку, и все такое. Может, завтра она снова будет в настроении, кто знает?

Лиз слезла с кровати, одернула футболку, но я успел увидеть ее блестящие бледно-розовые половые губы. Это был один из тех ярких, мимолетных образов, которые обычно вспоминаешь снова и снова всю оставшуюся жизнь.

– Твои трусики, – сказал я, поднимая их.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Спокойной ночи.

Она послала мне воздушный поцелуй, осторожно открыла дверь спальни и, выйдя в коридор, так же осторожно закрыла за собой. Я остался лежать на кровати, приподнявшись на одном локте. У меня мелькнула мысль, что я никогда не смогу понять женщин. Мой друг Крис Перт однажды сказал, что женщины – это единственная неразрешимая проблема, вызывающая сексуальное возбуждение.

Я собирался уже выключить свет, когда дверь снова открылась, и вошла Лиз.

– Что случилось? – спросил я.

У нее был странный встревоженный вид, глаза широко раскрыты.

– С чердака идет свет. Очень яркий свет.

– Но там нечему светить. Вся проводка сгнила.

– Иди и посмотри сам.

Я соскочил с кровати и нашел свои полосатые шорты.

– Я закрывала дверь в свою комнату, когда увидела мерцание, – сказала Лиз. – Как будто какие-то неполадки с электричеством.

Я вышел в коридор, и Лиз двинулась следом за мной. Вокруг стояла полная темнота. Ночь была безлунной, а окна плотно зашторены.

– Я ничего не вижу, – сказал я. – Наверное, это было отражение. Когда ты открывала дверь, свет из твоей спальни отразился в зеркале на площадке.

– Это было не отражение, – настойчиво уверяла Лиз. – Свет был голубой, как будто горело электричество.

Я на ощупь двинулся по коридору к лестнице. Стояла такая темень, что проще было закрыть глаза и нащупывать путь вдоль стены, как слепому. Лиз держалась позади меня, положив руку мне на плечо.

– Это продолжалось всего пару секунд. Но свет был очень яркий.

Мы почти достигли площадки, когда я услышал пронзительный визг. Как будто кричал ребенок, оказавшийся в страшной опасности. Волосы у меня встали дыбом, и я воскликнул:

– Черт, что это?

Лиз испуганно схватила меня за руку. В ответ я тоже крепко сжал ее ладонь.

Крик становился все пронзительнее и ближе. Он был похож на гудок приближающегося поезда. А затем, перейдя с мажора на минор, затих.

Сразу после этого мы услышали шум, напоминавший глубокий раскатистый рык. А может, это был не рык. Его не могло бы издать ни одно животное, виденное мной ранее: ни в зоопарке, ни в передачах про природу. Этот звук больше походил на замедленный и усиленный человеческий голос. Низкий, искаженный – и такой громкий, что стекла задребезжали в оконных рамах.

Затем свет замерцал и полился сквозь щели вокруг чердачной двери. Ослепительное голубое сияние моментально залило весь коридор и площадку. Я увидел бледное и напуганное лицо Лиз. На стене в коридоре мне бросилось в глаза изображение распятого Иисуса.

– Господь всемогущий, – прошептала Лиз. – Что это, по-твоему?

Я выпрямил спину, приняв героическую позу, и похлопал Лиз по руке.

– Есть вполне разумное объяснение, – ответил я, следя как лучи и треугольники света пляшут у меня перед глазами, пока самого меня била дрожь. – Это что-то вроде короткого замыкания. А может, статическое электричество. Мы рядом с морем. Это могут быть огни святого Эльма^[22].

– Что?

– Огни святого Эльма. Иногда их можно увидеть на мачтах кораблей или на крыльях аэропланов. Явление называли в честь святого Эльма, покровителя средиземноморских моряков.

Я остановился, заметив, что ей, видимо, стало интересно, откуда у меня такая информация.

– Я читал об этом в ежегоднике «Игл», когда мне было лет двенадцать.

– Понятно.

Лиз была слишком молода, чтобы помнить этот ежегодник таким, каким он был.

– Ну ладно, а как ты объяснишь этот крик?

– Не спрашивай. Может, это воздух в водопроводных трубах. А может, на чердаке застрял голубь. И до него добралась крыса.

– Голуби так не кричат.

– Знаю. Но этот, возможно, кричит.

Мы стояли в темноте и ждали. Никогда еще я не испытывал такой тревоги и такого чувства незащитности. Лиз сжала мою руку, и я сжал ее в ответ, но, что делать дальше, я не знал. У меня даже мысли не возникало, что на чердаке происходит что-то мистическое. Произошло короткое замыкание, огромная крыса визжала, кричала и носилась туда-сюда. Я не верил, что во всем этом было что-то сверхъестественное. И считал, что всему можно найти вполне адекватное и разумное объяснение.

– Может, тебе стоит взглянуть? – предложила Лиз.

– Может, мне стоит взглянуть?

– Ты же мужчина.

– Мне это нравится, – резко ответил я, продолжая дрожать. – Все вы женщины одинаковые. Требуете равенства, только когда вам это выгодно.

И все же я понимал, что мне придется подняться на чердак и столкнуться с разбушевавшейся тварью. Я не мог вернуться в постель, проигнорировав эти огни, крики и стуки. Не потому, что не смог бы уснуть, а потому, что эта гигантская крыса угрожала всей

моей работе. А еще моему мужскому самолюбию. Я не мог допустить, чтобы Лиз подумала, что я испугался этой твари.

Не мог допустить, чтобы Лиз думала, что я вообще чего-то испугался – особенно *ее*.

Снова замигал свет. Уже не такой яркий – ближе к оранжевому оттенку. А через пару секунд я почувствовал слабый кислый запах гари.

– Ты не думаешь, что на чердаке *пожар*? – спросила Лиз.

– Не знаю. Но, может, ты и права. Надо пойти посмотреть.

Я огляделся в поисках подходящего оружия для защиты. В соседней спальне кроме полудюжины ящиков из-под чая, набитых старыми подушками, уродливых настольных ламп, лакированных книжных подставок, покрытых бурыми пятнами номеров «Филд», и наполовину пустого кресла-мешка валялся сломанный кухонный стул.

– Подожди, – сказал я Лиз и, пройдя в комнату, взялся за стул. С шумом разделав его, словно гигантскую индейку, оторвал от него заднюю ножку.

– Вот, – сказал я, взмахнув ею, как пещерный человек – дубинкой. – Еще раз услышу шум, и в ход пойдет ножка от стула.

Я подошел к чердачной двери. Свет уже перестал мигать, но я все равно слышал прерывистое электрическое жужжание и потрескивание. А еще чувствовал тот характерный неприятный смрад, который мог быть вызван не только гарью, но и чем-то другим. Он был слишком сладкий для гари и слишком слабый. Сложно было определить, что это такое. Почему-то он вызвал в памяти затхлый кислый запах антикварного бюро, когда выдвигаешь ящики и заглядываешь внутрь.

– Похоже, затихло, – сказала Лиз.

– Мне от этого не легче.

– Да ладно тебе, – проворчала Лиз. – Может, не такое уж это и чудовище, раз все в деревне знают про него.

– А ты так не думаешь? – недоверчиво спросил я. – Все может быть еще хуже. Я имею в виду – почему все знают про него, если это не что-то ужасное?

Я не видел лица Лиз, скрытого тенью, и на свой вопросительный взгляд не получил ответа. Нет ничего хуже, чем, когда женщина, которая вам нравится, требует, чтобы вы делали то, что ненавидите. Но в конце концов я сдвинул тугую металлическую щеколду, открыл чердачную дверь и снова почувствовал этот обволакивающий запах. Запах выдыхаемого воздуха. А еще я различал кислый аромат гари, только он стал слабее. И не было никакого дыма. Кроме того, здесь было *холодно*, очень холодно – как в холодильнике.

Лиз поежилась:

– *Непохоже*, вроде ничего не горит.

Я шлепнул ножкой стула по левой ладони, да так сильно, что ее обожгло.

– То-то и оно.

– Тебе нужен фонарик?

– У меня его нет. То есть он есть, но я оставил в нем батарейки на всю зиму, и они позеленели и заржавели. Собирался сегодня купить новый.

Я включил свет на площадке. Как и зеркало, лампа освещала лишь первые несколько ступенек. А выше истертый коричневый фетр поглощала крошечная тьма.

– Давай, вперед, – подбодрила меня Лиз.

– Хорошо, хорошо. Я думаю, что делать, если я найду ее.

– Ударить ножкой стула, конечно же.

– А если она прыгнет на меня?

– Ударишь выше, только и всего.

Подумав секунду, я решился:

– Да, ты права. Это всего лишь крыса. Большая волосатая крыса, типа генерала Дурмана из «Обитателей холмов»^[23]. А что касается крика, то все звуки ночью кажутся в десять раз громче.

Я наклонил голову и поднялся на первые три ступеньки – те, что были освещены. Я добрался до точки, откуда мог сквозь балясины перил заглянуть на чердак. Я смутно различил очертания знакомых предметов. В одних узнавалась накрытая простынями мебель, в других – груды одежды. В темноте трудно было разглядеть что-то еще. Я обернулся к Лиз и прошептал:

– Там ничего нет. Похоже, это был голубь.

– Подожди немного, – подбодрила меня Лиз.

Я принялся и огляделся. Казалось, запах гари полностью улетучился. Глаза начали привыкать к темноте, и я рассмотрел завитки стоячей вешалки и тусклое мерцание зеркала.

Я уже собрался спуститься назад, как вдруг раздалось электрическое потрескивание, и весь чердак на долю секунды озарился ослепительным голубым светом.

– Дэвид! – позвала Лиз. – Дэвид, ты в порядке?

Я не сразу смог ответить. Не понимал, что увидел. В момент этой короткой ослепительной вспышки оно было похоже на *ребенка* – маленькую девочку в длинной ночной рубашке, застигнутую светом врасплох, когда она пересекала чердак. Белое овальное лицо было обращено ко мне, и, судя по выражению глаз, она тоже видела меня.

– Дэвид? – повторила Лиз.

– Не знаю. Я не уверен. Похоже, я что-то видел.

– Дэвид, спускайся.

– Нет, я точно что-то видел. Это вовсе не крыса. Это маленькая девочка.

– Маленькая девочка? Что, спрашивается, маленькая девочка делает на чердаке посреди ночи?

Я напряг глаза. Вспышка настолько ослепила меня, что я больше не мог различить ни вешалки, ни зеркала.

– Кто тут? – крикнул я, стараясь, чтобы голос звучал ободряюще, а не сердито. – Есть тут кто-нибудь?

Тишина затянулась.

– Есть тут кто-нибудь? – повторил я.

– Ты словно проводишь спиритический сеанс, – нервно пошутила Лиз.

Я смотрел и прислушивался. Но различал лишь обычные ночные звуки.

– Может, и провожу.

– Спускайся, – настойчиво позвала Лиз.

Я подождал минуты две-три. Позвал еще несколько раз, но больше не было ни вспышек света, ни криков, ни следов маленькой девочки. Только я собрался уходить, как услышал тихий вкрадчивый шорох в дальнем конце чердака, но это могло быть что угодно. Я осторожно спустился по крутой лестнице, стараясь не показывать страх. Закрыв за собой дверь.

– Что это такое, по-твоему? – спросила Лиз.

Я покачал головой. *Не знаю. Никогда не знал. И не хотел знать.*

– Возможно, просто какое-то электрическое возмущение. Мы недалеко от моря, может, это молния. Спрошу в деревне насчет громоотвода.

– Не хочешь выпить чаю? Ты весь дрожишь.

– Да... Тебя бы тоже затрясло.

– Ты в самом деле думаешь, что видел маленькую девочку?

– Это было *похоже* на маленькую девочку. Но, с другой стороны, это мог быть и стул с высокой спинкой, накрытый простыней. Я так разнервничался, что мог и перепутать.

Но я видел ее лицо. Ее растерянное и встревоженное лицо. Измученное и бледное.

Мы с Лиз спустились на кухню. В небе появился бледный намек на восход солнца. Я сел за кухонный стол, а Лиз поставила чайник.

– Может, там на чердаке дети, – предположила Лиз. – Может, они устроили там лагерь.

– Да, а может, я Чингисхан. Как они проникают в дом незамеченными? Будь это действительно дети, они не стали бы устраивать такой грохот. Разве они хотят, чтобы их обнаружили?

– Ты не будешь возражать? – спросила Лиз, бросив мне в чашку круглый пакетик чая и размешивая его пальцем. – Ой, горячо.

– Возражать, если что?..

– Возражать, если окажется, что это действительно дети? Может, это просто местные дети, которые прячутся от своих родителей.

Я взял кружку, но пришлось дуть на чай пару минут, прежде чем я смог отпить.

– Не знаю, – ответил я. – Я бы не возражал, если бы они перестали устраивать бардак и не мешали спать по ночам.

Лиз села напротив меня. Себе она заварила такой крепкий чай, что его цвет больше напоминал кофе.

– Понимаю, – сказала она. – А не устроить ли им ловушку?

– Ловушку? Какую ловушку? Если там дети, мы же не хотим, чтобы они пострадали.

– Конечно, они не пострадают. Что нам нужно сделать – так это расстелить на полу бумагу и посыпать ее сажеей или тальком. Если они наступят на нее, то оставят следы. Мы делали так в школе, чтобы определить, не залазит ли кто-нибудь к нам в комнаты.

– Думаю, можно попробовать.

Когда мы сидели и пили чай, у меня было ощущение, будто Фортифут-хаус охватила дрожь. А еще мне показалось, что я услышал отдаленный детский крик. Но, когда прислушался, все стихло. Стояла та странная тишина, которая наступает, когда поезд уносится за пределы слышимости.

Мне все привиделось, подумал я. Померещилось. Но, когда я подошел к раковине, чтобы сполоснуть кружку, мне показалось, что в саду мелькнула тень. Только это была совсем не тень, а человек в высокой черной шляпе, поспешно спрятавшийся под сенью высоких дубов. Словно он опасался за свою жизнь, боялся обернуться и взглянуть на преследующего его жуткого хищника.

6. ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

Раздался бодрый «почтальонский» стук в дверь кухни. Я оторвался от «Дейли телеграф». Дэнни поднял глаза от миски с медовыми колечками, на щеке у него отражался изогнутый блик от ложки.

Это был крысолов Гарри Мартин. Он, видимо, спешил, и лицо его покраснелось, а дыхание сбилось. На нем был твидовый костюм в елочку, в руке – мягкая твидовая шляпа. На плече висела большая кожаная сумка на пряжках, с выжженными инициалами Эйч Джей Эм.

– Мистер Мартин, входите, – пригласил я его в дом. Если честно, после всего, что случилось прошлой ночью, я был очень рад видеть его. – Мы только что заварили свежий чай, не хотите? Еще есть лимонад. Вам, похоже, жарко в этом костюме.

Он поставил на пол сумку, придвинул к себе стул, шмыгнув носом и сел.

– Это мой крысоловский костюм, – пояснил он. Он ущипнул рукав большим и указательным пальцем. – Видите? Не каждая крыса сможет прокусить такую ткань. В отличие от современных нейлоновых комбинезонов. Пощупай, – предложил он Дэнни, и Дэнни неохотно потрогал ткань. – Что думаешь?

– Волосатая.

– Верно, волосатая, как крыса. Крысиный костюм для ловли крыс.

Я налил ему чашку чая.

– Сахар? – спросил я.

– Мне три ложки, – ответил он.

Он принялся размешивать чай, пока звон ложки не начал раздражать, и мне захотелось попросить его прекратить.

Внезапно он положил ложку на стол и уставился на меня, прищурив один глаз и выпучив другой.

– Этой ночью у вас были проблемы? – спросил он.

Я кивнул.

– Я видел в небе огни. Но ничего не слышал, потому что ветер дул в другом направлении. Но, полагаю, у вас были проблемы.

– Да, мы слышали звуки, – ответил я и бросил взгляд на Дэнни. – И видели огни. Дэнни, не мог бы ты доесть свой завтрак в гостиной?

– Я смотрю «Детский сад»^[24].

Я выключил телевизор:

– Ты уже посмотрел «Детский сад». Завтрак доешь в гостиной.

– Послушайте, не надо лишней суеты, – сказал Гарри Мартин. – Давайте возьмем чай и выйдем в сад. Не хочу портить молодому человеку просмотр телепередачи.

– Если он будет постоянно смотреть телевизор, то испортит себе зрение, – возразил я.

Тем не менее я последовал за Гарри на террасу, и мы сели на ограду, обращенную к саду, спускающемуся вниз, и к покрытым лишайником солнечным часам. В лучах раннего солнца волосатые уши Гарри стали багровыми.

Море шумело успокаивающе, словно мать, которая пытается утихомирить возбужденного ребенка.

– Что за звуки? – спросил Гарри.

– Крики, стуки и рев. Детские крики. И очень низкий звук, как будто кто-то говорил,

только очень медленно. Знаете, как на замедленной записи. А еще я видел – или мне *показалось*, что видел, – маленькую девочку в длинной ночной рубашке. Но думаю, это была оптическая иллюзия.

Я замялся.

– По крайней мере я *надеюсь*, что это была оптическая иллюзия.

Гарри вытащил табакерку и скрутил себе сигарету.

– Вы слушали утром радио?

– Нет.

– Я всегда слушаю радио по утрам. Не дает мне скучать, пока Вера спит.

– И?

– Сегодня утром в новостях сообщили, что прошлой ночью в Райде пропала девятилетняя девочка. Это одна из причин, почему я решил прийти к вам.

– Не совсем вас понимаю.

Гарри закурил и шмыгнул носом.

– По радио сказали, что девочку заперли в ее спальне, в наказание за то, что она поздно вернулась с прогулки. Окно тоже было закрыто. Но каким-то образом она сумела выбраться. Осталась лишь вмятина на постели, где она спала, и больше ничего. Из одежды пропала только ночная рубашка, которая была на ней.

– Я все равно вас не понимаю.

– Такое уже случалось раньше. Дети пропадали, – терпеливо стал объяснять Гарри. – Всякий раз, когда в Фортифут-хаусе возникал шум и горели огни, исчезали дети. Поверьте мне, это происходит из года в год.

– Вы действительно думаете, что тут есть какая-то связь? Дети постоянно пропадают.

– Эти пропадают иначе. Они просто испаряются. Безвозвратно. Даже тел не находят.

Гарри спокойно посмотрел на меня.

– Попомните мои слова. Всякий раз, когда в Фортифут-хаусе возникают огни и шум, я слушаю радио и читаю газеты. И всякий раз пропадают дети. По одному, по двое. Они исчезают навсегда, словно их и не было.

– Вы сообщали в полицию?

– Сообщал в полицию? Я уже со счета сбился, сколько раз я сообщал в полицию. Они только смеются. Думают, что я просто чокнутый старый крысолов. Говорят, что за тридцать пять лет отравил себе крысиным ядом все мозги. Я звоню им всякий раз, когда это случается, но они постоянно смеются. Эти современные фараоны тупые как пробки.

Я обернулся и посмотрел на крышу:

– Кто, по-вашему, забирает этих детей? Бурый Джонсон?

– Бурый Дженкин, – поправил меня Гарри. – Так его зовут – Бурый Дженкин. Да, это его рук дело. В Бончерче уже много лет рассказывают эту историю. Пугают ею детей. Ешь морковь, или Бурый Дженкин утащит тебя. Вы слышали, что сказала моя жена?

– Да, – кивнул я. – Что он забирает туда, где даже нет времени.

– Точно, – подтвердил Гарри. – В будущее или в прошлое, кто знает. Говорят, что существуют места, где все такое же, как и здесь, только немного другое. Например, где королева чернокожая и еще никто не научился летать.

– Альтернативная реальность, – сказал я. – Да, я тоже читал об этом. В «Телеграф» была большая статья.

– Полная чушь, – возразил Гарри. – Но дети исчезают без следа, не остается ни ботинка,

ни отпечатка ноги, ни ноготка.

На террасу вышла Лиз. На ней были шорты цвета хаки и белая футболка, сквозь которую темнели соски.

– Хотите еще чаю? – спросила она, прикрыв глаза рукой от солнечного света.

Гарри покачал головой. Лиз подошла и села на ограду рядом с нами.

– Вы же пришли не затем, чтобы ловить нашу крысу, как я понимаю? – спросила она. Ее расчесанные волосы блестели от влаги, от нее пахло духами «Лаура Эшли».

– Не знаю, буду ли я ловить ее сегодня, но я пришел, чтобы все тут осмотреть, – сказал Гарри. – Я всегда мечтал поймать Бурого Дженкина. Как рыбаки мечтают поймать гигантскую щуку. Или как капитан Ахав мечтал поймать Моби Дика.

– Ваша жена взяла с меня обещание, что я не позволю вам этого делать, – сказал я ему.

– Конечно, взяла. Но вы же знаете, какими бывают женщины. Они не понимают, что такое чувство долга.

– Какой еще долг? – спросила Лиз.

– Он крысолов, – объяснил я. – Если он поймает Бурого Дженкина, это станет пиком всей его карьеры. О нем будут всегда помнить. Во всяком случае, в Бончерче.

– Да нет, – возразил Гарри, – я не гонюсь за славой. Мне она совсем не нужна.

– Простите, – смутился я.

Гарри снова зажег сигарету и шумно затянулся:

– Я говорю о семейном долге – долге перед моим братом.

Мы подождали, пока Гарри откашляется. Затем он продолжил:

– Мой младший брат Уильям исчез, когда ему было восемь. Мы спали в одной комнате, Уильям и я. И он только сходил на кухню за стаканом воды. Это была одна из тех ночей, когда в Фортифут-хаусе поднялся шум и горели огни. Я видел огни, видел их отблески на тучах и слышал звуки, похожие на *рычание, долетающее из-под земли*. Уильям встал с кровати, потому что захотел пить. Я видел его в последний раз, когда он в ночной рубашке открывал дверь спальни. Я до сих пор помню этот момент. Отчетливо помню. У него были рыжие волосы и тощая шея. Но знаете, я не помню его лица.

– И больше вы его не видели? – уточнил я.

– Никогда. Как сквозь землю провалился. Но дверь кухни была заперта изнутри. И входная дверь была заперта изнутри. Только фрамуга в кладовке была открыта, но через нее не протиснулась бы даже кошка.

– Как давно это было?

Выдержав долгую паузу, Гарри сглотнул и сказал:

– Пятьдесят шесть лет назад.

– Думаете, Бурый Дженкин забрал его?

– Я слышал, как моя мать говорила это викарию. Она была уверена в этом. Она хотела пойти в Фортифут-хаус и разнести его по кирпичику, чтобы найти нашего Уильяма. Но отец сказал, что она спятила. И что Бурый Дженкин – это всего лишь крыса. А может, просто *вымысел*. И только Господь может давать и забирать, а вовсе не крысы. Но я знал, что это не так.

– Как вы узнали? – сочувственно спросила Лиз.

Было видно, что Гарри до сих пор опечален и очень переживает из-за исчезновения брата, несмотря на то что все это произошло более полувека назад.

– На следующий день я обнаружил два отпечатка на цветочной клумбе за стеной кухни.

Это были следы крысиных лап, только крупнее. В три или четыре раза больше. Один я нашел между фиалками, а другой отпечатался лишь наполовину. Как будто животное вышло из кухни сквозь стену, понимаете? Прошло прямо сквозь стену, словно не видело в ней преграду.

– Вы показывали эти следы своему отцу?

– Собирался, но он весь день провел с полицией, искал Уильяма возле утесов. В ту ночь лил дождь, и на следующее утро следы исчезли. Я не мог ничего никому доказать. Я заставил себя забыть о случившемся и больше не думать о Буром Дженкине, чем бы он ни был. Потому что иначе я мог сойти с ума, как это едва не случилось с моей матерью.

Я допил чай.

– Но теперь вы пришли отыскать его?

– Думаю, я мог бы, если вы не будете возражать.

– Конечно, нет. Не знаю, можно ли верить в то, что Бурый Дженкин выходит сквозь стены по ночам и крадет детей. Но я верю, что на чердаке Фортифут-хауса обитает нечто отталкивающее и жуткое. И чем скорее мы избавимся от этого, тем лучше.

– Что ж, – сказал Гарри, вставая. – Разрешите мне пойти поздороваться?

– Боюсь, на чердаке не работает электричество, а фонарика у меня нет. Хотел купить вчера, но забыл.

– Все в порядке. У меня в сумке есть и фонарик, и все остальное снаряжение.

Он вернулся в дом, поднял с пола свою кожаную сумку и расстегнул ремни.

– Здесь есть все, что мне нужно, – сказал он, шумно роясь внутри. – Ловушки, проволока, отравленная приманка. Даже чертовски большой молоток. Лучший способ убить крысу – это чертовски большой молоток.

– Ваша жена сказала, чтобы я не просил вас искать Бурого Дженкина и не позволял вам это делать, – напомнил я с беспокойством.

Гарри извлек длинный хромированный фонарик.

– Вы и не просите меня, мой друг. И о том, чтобы вы мне *позволили*, речь даже не идет. Вы здесь не хозяин – вы лишь декоратор. И я сделаю то, что хочу сделать. Так что вы тут ни при чем.

Я бросил взгляд на Лиз, но она лишь пожала плечами.

– Вам не *следует* подниматься туда, – сказал я. – Ко мне должны прийти из «Рентокил».

Крепкая рука Гарри легла мне на плечо, и он посмотрел мне прямо в глаза:

– «Рентокил», мой друг, избавляют от муравьев, тараканов и сухой гнили. Здесь должен работать крысолов, – он постучал себя по лбу. – С такой тварью, как Бурый Дженкин, не обойтись без психологии. Нужно быстро соображать и быть на шаг впереди него.

– Что ж... как скажете.

В этот момент вошел Дэнни с пустой миской в руках.

– Что вы будете делать с крысой, когда поймаете ее? – спросил он Гарри. – Посадите в клетку и будете держать вместо домашнего животного?

– Это не крыса, – сказал Гарри.

– Я хотел застрелить ее из своего водяного пистолета, но папа забыл купить фонарик.

Гарри натянуто улыбнулся мне.

– Наверное, это только к лучшему, сынок.

Дэнни ушел играть, а я повел Гарри на лестничную площадку. Когда он, запыхавшись, ухватился за перила стариковской рукой, туго обтянутой кожей, я заметил, что у него

отсутствуют кончики указательного и среднего пальцев. Бьюсь об заклад, какая-то крыса получила за это удар молотком.

– Что заставило вас прийти сюда? – спросил я его.

– Ваш мальчик, – проворчал он.

– Дэнни?

– Да. После вашего вчерашнего визита я пошел в Бончерч, чтобы снова взглянуть на дом. Освежить в памяти, так сказать. Я не ходил этой дорогой года два-три. Может, больше. Я остановился за задними воротами и увидел, как ваш мальчик играет у пруда. Он стоял спиной ко мне. И на мгновение, – Гарри замолчал, сглотнул, его выступающий кадык дернулся вверх-вниз, – всего лишь на мгновение мне показалось, что это мой брат Уильям.

Ему не нужно было больше ничего объяснять. Я поднял щеколду чердачной двери, и он включил фонарик.

– Добро пожаловать, – сказал я ему. – Только, ради бога, будьте осторожны.

Гарри понюхал воздушный поток, долетавший из тьмы чердака.

– Я не *чувствую* запаха крыс, – сказал он.

– А как обычно они пахнут?

– О, вы сразу узнаете этот запах. Они пахнут кислой мочой, опилками и чем-то еще. Чем-то очень крысиным, словно смешанные вместе смерть и младенцы.

– Вы не возьмете молоток? – поинтересовался я.

– Не в этот раз. Сейчас я просто хочу осмотреться. Хочу получить представление, с чем имею дело.

– Поверьте, это огромная крыса размером с кокер-спаниеля, – предупредил я его.

Он начал с трудом подниматься по лестнице, прощупывая лучом фонарика темноту. Я следовал за ним по пятам. Хотя, если честно, я с радостью вернулся бы на улицу, на солнечный свет, и забыл все, что слышал и видел. Что, если та девочка все еще здесь? Что, если она существовала на самом деле – была похищена, изнасилована и убита? Как я буду объяснять *это* кому-нибудь?

Что, если местные байки – это правда, и зверь, именуемый Бурым Дженкином, может похищать детей? Единственной моей защитой был этот страдающий одышкой 67-летний крысолов с фонариком.

Трус, упрекнул я себя. Но тут же подумал: «Это правда, но мне не стыдно за свой страх».

Гарри поднялся по чердачной лестнице и, облокотившись на перила, огляделся. Луч его фонарика ощупывал каждый угол. Я увидел сломанную деревянную лошадку, ее глаз из желтого стекла поблескивал, грива поредела от времени и цапких детских ручонков. Увидел зеленый школьный сундук с трафаретной надписью: «Р. В. Дж. Уилсон, директор школы». Увидел ящики из-под чая, набитые старыми книгами. Откуда-то снизу доносился еле слышный смех Дэнни, игравшего с Лиз в догонялки.

– Минувшей ночью здесь был сущий ад, – сказал я Гарри. – Вспышки света, грохот, а потом еще эта маленькая девочка. Или то, что я *принял* за маленькую девочку.

Гарри потянулся назад и схватил меня за руку. Я почувствовал его жесткие пальцы без последних фаланг.

– Вам не нужно оправдываться передо мной, мой друг. Вы знаете, что реально, а что нет. Точно так же, как я знаю наверняка, что забрало моего брата. Некоторые вещи вы просто знаете, и неважно, что говорят другие. Может, я и не чую крыс, но я чую Бурого Дженкина.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Собираюсь обыскать здесь все, – ответил он. – Даже самые умные крысы оставляют после себя следы.

– Только, ради бога, будьте осторожны.

Я остался ждать на лестнице, в то время как Гарри с грохотом бродил по чердаку, подымая пылезащитные чехлы и двигая мебель.

– Помета не видно, – сказал он спустя какое-то время. – Странно.

– Может, это вовсе не крыса, – предположил я.

– Все грызуны оставляют после себя помет, – возразил Гарри. – Как и все люди оставляют после себя мусор.

Я вспомнил, что вчера выбросил из окна машины обертку от шоколадного батончика, и мне стало стыдно.

Гарри продолжал грохотать. Сейчас я его не видел – он находился в дальнем конце чердака, над моей спальней. Я видел лишь изредка мелькающий на потолке луч его фонарика.

– Подождите минутку, – сказал Гарри. – Здесь есть люк, но неба над ним не видно.

Я поднялся на верхнюю ступеньку. Гарри стоял над моей спальней и светил фонариком в двустворчатый люк в покато́м потолке.

– Не понимаю, в чем дело, – сказал я. – Если смотреть на дом снаружи, кажется, что эта часть чердака изолирована.

Гарри задумался и шмыгнул носом:

– Значит, там есть пустое пространство?

– Наверняка. Между старой крышей и новой.

– Достаточно большое, чтобы там что-то могло спрятаться?

– Ну да. Но не крыса. Как крыса может открывать и закрывать люк?

Гарри посветил фонариком себе в лицо. Оно выглядело устрашающе, словно посмертная маска, висящая в темноте.

– Это первый вопрос. А второй: как могла крыса удрать с моим братом?

Я покачал головой. Я хотел, чтобы он нашел Бурого Дженкина как можно быстрее. Несмотря на заметную циркуляцию воздуха, чердак оказывал невыносимо гнетущее впечатление, словно это был не третий этаж дома, а третий уровень подполья.

Гарри продолжал шарить вокруг и двигать мебель.

– Похоже, мне нужно все обдумать, – сказал он. – Здесь нет никаких признаков крысы. Как и белки. Вообще ничего нет.

– Но я определенно что-то видел, – возразил я. – Что-то темное, покрытое щетиной. Оно пробежало прямо мимо меня.

Помолчав с минуту, Гарри шмыгнул носом и сказал:

– Я вам верю. Хотя знаю, что поверили бы не все.

Какое-то время он стоял, глядя прямо перед собой. Затем снова посветил фонариком на люк:

– Видно, придется заглянуть внутрь. Может, тогда мы поймем, что к чему.

– Сомневаюсь, что там открыто, – сказал я.

Однако он подтащил один из ящиков и взобрался на него, чтобы дотянуться до старомодной щеколды. Ему пришлось ударить два-три раза ладонью по створке, и внезапно она открылась. Он поднял ее как можно выше и зафиксировал с помощью ржавого шпингалета.

– Здесь пахнет иначе, – сказал он, просовывая голову в люк и светя фонариком. Хотя

Гарри загораживал почти весь обзор, я видел грубые, неровно уложенные шлакобетонные блоки: этот участок крыши был замурован в спешке человеком без строительного опыта.

– Здесь все еще осталась старая кровельная плитка, – отозвался Гарри. – Хоть убей, не понимаю, зачем кому-то понадобилось огораживать это место. Не вижу никакого смысла.

– Еще они замуровали одно из окон спальни.

– Будь я проклят, если хоть что-то понимаю, – сказал Гарри. – Похоже, нам нужно все обдумать по новой.

Он собирался уже слезать с ящика, когда внезапно уронил фонарик. Тот упал на пол, но не потух. Он осветил пыльную поверхность напольного зеркала, заполнив один угол чердака призрачным отраженным светом.

Едва я сделал шаг, чтобы поднять его, как Гарри издал какой-то странный звук, похожий на треск рвущейся материи. Я поднял голову и, к своему ужасу, увидел, что его волосы в чем-то застряли. Он пытался освободиться, но не мог. Развернувшись, взмахнул ногой, и ящик, на котором он стоял, опрокинулся и с грохотом откатился.

– Гарри! – закричал я и попытался схватить его за ноги, чтобы удержать на весу.

Он уставился на меня с разинутым ртом, казалось лишившись дара речи.

– Гарри! Что случилось? – недоумевал я. Мне удалось схватить его за левую ногу, но правая продолжала отчаянно болтаться. – Постарайся не шевелиться!

Голова Гарри яростно моталась из стороны в сторону, так что его лоб бился о раму люка. Я увидел ссадины и кровь. Потом снова услышал тот же тряпичный хруст. Лицо Гарри внезапно напряглось, глаза превратились в косые щелки, ноздри раздулись, верхняя губа приподнялась в причудливом оскале.

– *Гарри!* – закричал я.

Кожа у него на голове натягивалась все сильнее, пока он не стал напоминать какого-то безумного монгола с лицом, искаженным чудовищной гримасой. Снова раздался страшный хруст и треск, и я внезапно понял, в чем дело. *Кожа Гарри постепенно отрывалась от черепа. Хрустела раздираемая жировая ткань и кожа, которая отделялась от кости. А треск исходил от рвущихся корней волос.*

[Купить полную версию книги](#)

notes

Пер. Е. Нагорных.

Сухой завтрак (здесь и далее примечания переводчика).

Сеть супермаркетов в Великобритании.

Строчка из детского стишка немецкого психиатра Генриха Хофмана из цикла «Штруввельпетер».

Земли частного загородного поместья Небуорт-хаус, расположенного в графстве Хартфордшир, с 1974 года стали одним из главных мест проведения рок- и поп-концертов под открытым небом в Англии.

Самый северный греческий остров.

Греческие шашлыки.

Американский телесериал.

Блюдо из риса и овощей.

Итальянское вино.

Фонд помощи нуждающимся.

Популярный христианский гимн.

Что и требовалось доказать – лат.

Возлюбленная мультипликационного моряка Полая.

Самые известные суеверия в Британии.

Детская считалочка, использовалась при счете косточек во время гадания.

Фильм Дэвида Лина 1957 года.

Бурый – англ.

Шотландский суп.

Цикл из шести симфонических поэм Бедржиха Сметаны.

Английский поэт.

Разряд в форме светящихся пучков или кисточек, возникающий на острых концах высоких предметов при большой напряжённости электрического поля в атмосфере.

Мультфильм по сказке британского автора Ричарда Адамса.

Австралийский телесериал для детей.